

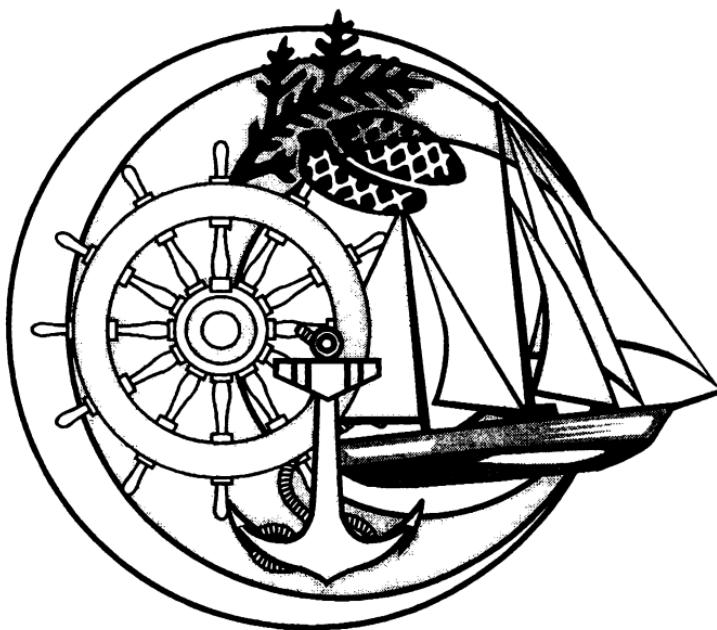
Владимир Плотников

ТАЕЖНЫЕ РЕГАТЫ

Владимир
Плотников

Таежные регаты

Екатеринбург,
2007

Плотников В.В. Таежные регаты. — Екатеринбург: ООО «Издательство «Раритет», 2007 г. — 120 с.

Сборник художественно-публицистических очерков естествоиспытателя, путешественника, «таежного моряка» о людях, событиях, смыслах тех времен, когда большая наука делалась бескорыстно, флотское братство было нерасторжимо, а маленькое парусно-моторное исследовательское судно «Флора» покоряло просторы таежных рек. Книга о дерзости, верности, и его величестве Случае.

Для широкого круга читателей.

© Плотников В.В., текст, 2007 г.

© ООО «Издательство «Раритет», оригинал-макет, 2007 г.

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

*А корабль ушел.
Корабль ушел без меня...*

Я отчетливо представляю, как рулевой осторожно ворочает румпелем, пробираясь по тесной и оживленной ходовой речной протоке. У меня сердце обливается кровью, когда я вижу, как нахальная самоходная баржа теснит наше судно, пренебрегая всеми правилами судоходства. Капитану самоходки явно по душе законы джунглей, но мы-то эти законы знаем получше его, и он вынужден врезаться в берег. Вот что значит не дать вовремя отмашку, да еще паруснику!

Разжимаются кулаки, расправляются груди, расслабляются сотни распраздыханных мышц. Задыхаясь от веселого негодования, мы переводим дух и ставим паруса...

Очнувшись от всех этих горячительных грез, я сначала таращусь на тесные стены своей кухоньки, потом начинаю воспринимать отдаленный гулочных поездов и, наконец, осознаю, что корабль-то ушел, на этот раз ушел без меня. Втроем, вчетвером, а большей частью вдвоем на самодельном парусно-моторном судне «Флора» летом и осенью 1984 г. мы прошли по великим, не очень великим и вовсе неказистым сибирским рекам около четырех тысяч километров между поселком Гари Свердловской области и полуостровом Ямал. Парусное вооружение типа «малый бермудский шлюп», было представлено стареньким и гниловатым, но фабричным (!) гротом типа «Дракон» и самодельным стакселем из парашютной ткани. Разумеется, в наименовании нашего парусного вооружения мы с извинительной академической рассеянностью обычно опускали эпитет «малый», и тогда оно насмерть разило простодушных сибирских аборигенов: их прямо-таки оглушали ароматы тропических островов, шорох сейшельских пальм и ужасы «бермудского треугольника». О горячем и шумном вспомогательном стационарном двигателе «ЗИД», мощностью в четыре с половиной лошадиных сил, мы старались не распространять-

ся, но именно он исправно служил нам в дни изнуряющего безветрия, помогал пристать или отойти от берега, сушил наши портянки, а промозглой речной осенью обогревал и жилую рубку.

Рубка больше, чем крепость, потому что крепость неподвижна; рубка больше, чем рай, потому что она имеет стены и крышу; рубка больше, чем ад, потому что теснота, всепроникающая влага, шум и вибрация от двигателя, а также сложный букет испарений от мотора, камбуза и наших сигарет в особых комментариях не нуждаются. А собственно из-за рубки во всех ее перечисленных ипостасях и возникла идея судна.

– Васильич, до каких пор мы будем таскать по тайге и тундре весь свой комфорт на собственном горбу? За Стенли и Левингстоном десятки людей носили все, вплоть до походной ванны. За тобой и за мной никто не понесет даже табакерки. На что ты рассчитываешь на исходе пятого десятка лет и четверти века полевых экспедиционных работ? Ты хочешь подохнуть под рюкзаком где-нибудь на заброшенной звериной тропе? – этот монолог в устах новоиспеченного доктора наук Филатыча прозвучал весьма внушительно.

В ответ я что-то пролепетал про Стенли и Левингстонов, которых у нас в полуфабрикатном виде пол-института, про твердо обещанный мне совершенно сногсшибательный польский станковый рюкзак и про свою заветную мечту именно на глухой таежной тропе мирно перешагнуть в царство теней...

– Вот, вот! Директор на тебе выговор схлопочет за технику безопасности, а мы сбросимся на венок... Корабль надо строить! Собственный корабль!! Вспомни судно, которое мы встретили в прошлом году в Тобольске!

Да, этот корабль я запомнил: легкий белоснежный катер с рулевой рубкой, жилой каютой на четыре комфортабельных места, с надежным 20-сильным дизелем в особом отсеке, с дюжиной трюмов и прочих закутков для хранения экспедиционного имущества, а главное – с экипажем геологов-полевиков, которые сами себе и капитаны, и боцманы, и штурманы, и матросы. Они живут на корабле, делают любые

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

маршруты и стоянки, совершают свою службу геологической науке с веселой и бодрой непринужденностью, опасаясь лишь собственного высокого начальства, которое в один прекрасный день может обнаружить и приспособить это судно для удовлетворения собственных охотничьи-рыболовных и туристических интересов. Но против этого смысленные геологи консервируют свое судно на зимнюю стоянку за тысячу километров от родного порта и института...

И Филатыч построил-таки корабль-то! Своими руками от киля и до клотика... 31 мая я приехал к нему в Гари, как и обещал. С неделю мы с утра до вечера вкалывали уже вдвоем, готовя судно к спуску на воду. Когда местные мужики увидели установленной мачту, то сильно удивились, а потом единодушно порешили: «Она вас безо всяких парусов на ветру-то опрокинет!»

— Мы и сами, грешным делом, этого опасались, но храбрились. Киль у нас был из дубового бруса, так что осадка при полной нагрузке не должна была превышать 50 см.

Спуск судна на воду не обошелся без курьеза. К реке мы притянули яхту бульдозером на тракторных санях. Всю дорогу нужно было следить, чтобы яхта не соскользнула с саней раньше времени, но когда мы столкнули сани вместе с яхтой в воду, то яхта лишь накренилась, а с саней не пошла. Это надо было видеть и слышать! Но в конце концов мы все-таки справились с положением и первый раз бросили в воду увесистый фабричный якорь. Надо заметить, что Филатыч однажды самолично припер его в портфеле из Ижевска, побывав там на какой-то научной конференции. О короткой, увы, судьбе этого якоря я еще расскажу. А пока в рубку, как сельди, набились все наши промокшие и продрогшие добровольные помощники, и мы дали первый торжественный и шумный ужин на борту.

Назавтра заправились бензином, докупили продуктов и запустили мотор. Работы на судне невпроворот, но будем доводить его до кондиций на стоянках, а в Пелыме у нас назначено randevu с двумя прочими членами экипажа. Отныне в мои обязанности входит делать регулярные записи в судовом вахтенном журнале.

Реки Сосьва и Лозьва после слияния дают начало реке Тавде. Я странствовал в этих местах с экспедиционными отрядами в 1969, 1970 и 1976 годах, так что обстановка была мне хорошо знакома; каторжные это места – кругом лагеря с заключенными да охранники... У нас на борту имеются портативная газовая плита и запас баллонов. Розовая мечта Филатыча сбылась: вот он сидит в кокпите, орлом посматривает по сторонам, одна рука на румпеле, другая то подносит к глазам бинокль, а то ласкает у рта чашку крепчайшего чая. Позднее мы даже обзавелись пиалами и переколотили их великое множество, а о судьбе бинокля в свое время в вахтенном журнале появится, увы, сдержанная скорбная запись.

Дни на реке в длительных и дальних маршрутах, вообще говоря, поразительно похожи один на другой, и было бы крайне нудно нанизывать их в непрерывной хронологической последовательности. Иногда вечером прямо-таки ломаешь голову и думаешь, а что же такого сегодня было выдающегося?

– Ага! – вспоминаешь, – да я же сегодня ведро утопил! Так и пишешь в журнале: «Штурман Плотников по преступной халатности утопил казенное поганое ведро. Объявить ему общественную укоризну, поставить на вид и вычесть из жалования... Учитывая чистосердечное раскаяние, с 24.00 применить амнистию... Но бывают и дни, когда события лепятся одно на другое, и сознание трещит от обилия впечатлений.

В Пелыме наших ребят не оказалось, но они могут появиться с минуты на минуту. На стоянке в устье реки Пелым нас совершенно заели комары. Пришлось выйти в Тавду и стать на якорь на бодром ветерке. Дождь принимается моросить, мерзостно становится на реке, а мы сидим себе в рубке да потягиваем чаек. Красота! Только вдруг замечаем, что берег за окном подозрительно видоизменяется, выскакиваем на палубу. Так и есть: нас сорвало с якоря. Филатыч вытягивает из воды облегченный капроновый конец, рассматривает его и чернеет от горя. Узел морской развязался! Ох, этот коварный капрон! Четыре дня всего

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

и прослужил нам якорь. Я некстати вспоминаю, как Филатыч пер его из Ижевска, на цыпочках ухожу в рубку, плотно притворяю дверь и начинаю кататься по рундуку в приступе беззвучного хохота. Наконец, заходит капитан. На него страшно смотреть, и я в конвульсиях удаляюсь в кокпит. На ночь пришлось стать на швартовы под берег.

Новый якорь системы Матросова нам назавтра же сварил в Пелыме расконвоированный заключенный, за что я запечатлел его на фотопленку во всех мыслимых видах. А несколько дней спустя, уже после славного похода в Пелымский Туман, мы еще раз прошли над местом гибели старого якоря.

— Где-то здесь вы якорь-то угробили? — шепотом и опасливо косясь на помрачневшего капитана, спросили у меня ребята. Я сдержанно кивнул, а капитан с хрустом шейных позвонков отвернулся от злополучного и неприветливого берега.

Пелымскую эпопею мы до конца своих дней будем вспоминать с огромной гордостью: там мы «экспресс-методом» овладели парусным мастерством и беспредельно уверовали в замечательные способности нашего судна.

Вновь прибывшие члены экипажа, сотрудники нашего Института Володя Ипполитов — официальный представитель Комиссии по охране природы УНЦ АН СССР и орнитолог Виктор Амеличев легко уговорили нас с Филатычем подняться по реке Пелым до знаменитого Пелымского Тумана — обширного озеровидного проточного водоема в среднем течении реки. «Там есть где поупражняться в парусном деле, и мы либо научимся этому сложному искусству, либо с честью потонем» — так и порешили. Мне приходилось в 1976 году пересекать его на Плоскодонном шитике с мотором в самую безводную межень. Нас тогда было в лодке семеро и мы вдоволь намучились в бесконечных зарослях травы и в топкой жиже. Но теперь в Тумане воды должно быть достаточно.

На полпути к Туману мы имеем длительную стоянку в селе Еремино. Филатыч кроит и перекраивает паруса, другие красят рубку и запасают продукты, весь день около нас

суетятся белоголовые и голубоглазые пацаны и девчушки, а то со сдержанным любопытством подходят и степенные мужики. Еще бы, такой корабль в здешних водах они видят впервые! И скоро они уже азартно спорят между собой: сразу или чуть погодя мы потонем в Тумане со своей посудиной.

Село Еремино нас очаровало. На фоне десятков красивых пустырей на месте заброшенных деревень, сумрачных лагерных поселков с колючей проволокой и сторожевыми вышками и бойких эфемерных поселений всевозможных газовиков-трассовиков это село особенно радовало глаз своим кондовым и, судя по всему, весьма благополучным бытом. Крепкие дома, крытые и застеленные чуть ли не половиками дворы, пышные огороды... Величавые женщины, поджарые и могучие мужчины, красавицы-девушки... Помню, как я шагал по гулкому тротуару следом за Филатычем, а сбоку из калитки вдруг легко выступила тоненькая девочка лет пятнадцати. Филатыч сбежал с ноги и чуть не загремел в глубокий кювет, меня обнесло нестерпимым жаром, а все мои сорок семь лет вдруг тяжко обрушились мне на плечи.

– Все бы ты спотыкался, старый черт! – коротко бормотнул я в побуревший затылок Фипатыча, тот обернулся, мы переглянулись и смущенно расхохотались. – Вовку своего здесь бы женить! – размечтался, отсмеявшись, Филатыч.

Да, обилие шустройших и крепких ребятишек подтверждает, что ереминская островная популяция здоровых и красивых людей процветает. Здесь надо заповедник этнографический организовать. Руки прочь от Еремино, порочная и хилая цивилизация! Мы и сами здесь быстро окрепли физически, в чем немалую роль сыграли великолепные домашние сливки. В компании с местным лесотехником и лесниками обследовали заветный здешний кедровник: участок действительно замечательный, но видов на урожай шишки в этом году нет.

На штурм Пельмского Тумана мы выступили в сопровождении почетного эскорта ереминских моторных лодок, но вскоре с ним расстались, выслушав последние сдержанные

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

напутствия. Ночь нас застала в урочище Урай, на выходе из Тумана реки Малый Пельм.

За ночь борта и днище нашей яхты обросли толстым студенистым слоем икры какого-то моллюска. Трава и погруженные в воду корни, стволы и ветви поваленных деревьев были также облеплены этой зыбкой органической массой. А накануне мы наблюдали, как наши такелажные снасти на глазах утопали в мохнатом войлоке и гроздьях одуревших от любовного инстинкта поденок. И ведь все это буквально через считанные часы куда-то девается! Вот вам и один из секретов фантастической рыбопродуктивности местных водоемов. Самое замечательное, что живая природа выдает свою специфическую продукцию, как правило, мощными залпами. Насколько же четко должны быть пригнаны между собой отдельные звенья в цепях питания, чтобы экосистемы не захлебывались от перепроизводства или не задыхались от недостатка какого-то элемента своего жизнеобеспечения... Структурно-функциональная организация живых систем – вот как это называется на языке науки, – но знаем мы о ней еще очень мало.

За завтраком, для поддержания духа, рассказал друзьям, как я тонул в последний раз.

Дело было ранней осенью 1978 года. Я сошел с поезда на станции Демьянка, т. е. примерно на полдороге между Тобольском и Сургутом. Около новеньского с иголочки стационарного здания гудел и обдавал всю округу зловонием табун тракторов, вездеходов, «Уралов» и МАЗов. Не успел я осмотреться, как публика с поезда и встречающие на удивление быстро рассосались по упомянутым транспортным средствам и ландшафт обезлюдел. А я пошел в сторону старого поселка, где еще с поезда заметил на крыше одного из домов обнадеживающий знак «Л-во», что обозначает контору лесничества. Там я и смогу приткнуться на первый случай.

Очень скоро я убедился, что в ботиночках, хотя и туристических, мне далеко не уйти. С трудом отыскал более или менее сухое и чистое место на каких-то строительных конструкциях, наскоро переобулся в охотничьи сапоги и вымыл

в ближайшей луже штиблеты, чтобы чистыми упрятать их в рюкзак. Между тем незаметно стемнело.

Я бодро топал по колеям с жидким грязью, но вот на одном из поворотов мне показалось, что на обочине дороги будет еще уютней. Я сделал пару шагов в сторону и тут же моя левая нога провалилась куда-то, да так, что я еле успел расправить и вздернуть вверх голенище. Но сапоги-то на два размера больше и надеты на один носок, ведь мне и идти-то было всего километра полтора. Очень не хотелось вышагнуть из стиснутого топью левого сапога, и я скоро прочно увяз и правой ногой. Ну, и забился, как муха на липучке. А рюкзак давит меня вниз, и близости дна я что-то не ощущаю. Кругом темно, никого нет, а я натурально тону, и не в воде, а в грязи! Ведь вот что обидно! И кричать неловко.

Пока я грустил, оказался по пояс в дерьме: тут уж рюкзак затормозил мое погружение, а ружье в чехле и сумка полевая сковывают действия. Метнул сумку в темноту. Где-то там сбулькало. Метнул и ружье туда же. Чуть не с головой ушел, пока из-под рюкзака выпростался. Извернулся как-то в грязи, ухватился за корягу и выполз-таки на клочок суши, как крокодил. В общем, раздайся, грязь! А тут и мужичка какого-то принесло;

– Что, провалился, парень?

– Да, мать вашу! – визгливо огрызнулся я. – Тут очень просто провалиться, если тропку не знаешь. Трактора тонут! – утешил меня мужичок и растворился в темноте. Потом я долго выуживал рюкзак, искал и выуживал ружье и сумку, выливал воду и выгребал грязь из сапог.

Только куда теперь деться в этаком молодецком виде? Сунулся было в пекарню, которую опознал по запаху, там ведь всю ночь люди работают и печи есть, но женщины, выглянув на мой робкий стук в окно, подняли такой визг, что я счел за лучшее убраться поскорей и подальше. Иду по тротуару: топ-топ-топ, а грязь с меня – шлеп да шлеп! Я уж даже рад, что ночь кругом. В конце концов, рядом с водокачкой нашел какую-то будку без окон, толкнулся в дверь, она открылась. Засветил фонарик, осмотрелся: не «люкс»,

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

конечно, но жить можно, а в стенах даже гвоздики есть. Чего еще надо утопленнику? Разулся, переоделся, развесил добро по гвоздикам, фрикадельки рыбные открыл... За стеной протопали тяжелые шаги. Это, наверное, рабочие откуда-нибудь с ночной смены идут. Отчетливо донесся голос: «В будке, видимо, опять какой-то бич nocteет!».

Еще затемно собрал свое имущество и подался в сторону леса. Лес не обманет, лес выручит! Там я разведу жаркий костер, отмою и просушу все свои вещи. А на тротуаре и стенах домов серебрился иней. Вот, такие пироги заготовлены для «плавающих и путешествующих», а также страждущих и плененных» ненадежным, но щедрым случаем.

После этой жуткой истории, да еще в знойный июньский полдень нам уже ничего не стоило отважно ринуться на просторы Пелымского Тумана. Сразу после выхода в него пронаходили выброску в лес десанта с пожарного самолета: отчаянные ребята посыпались с неба где-то километрах в двух от нас.

В первый день при слабом ветре и с одним гротом все маневры у нас получились крайне неуклюже. То и дело залетали на мели и вообще попадали не туда, куда надо. Амеличев с его 100 кг. веса был срочно произведен в водолазы и тягачи, о чем в вахтенном журнале сделана запись: «Старшему водолазу Амеличеву за каждое погружение назначить дополнительную порцию шоколада. Ввиду наличия отсутствия шоколада в судовом рационе назначить Амеличеву за каждое погружение поощрительное похлопывание по плечу прочими членами экипажа...». А дальше записи застестрели оборотами: «...совершено погружение в тяжелом водолазном снаряжении» – это значило, что водолаз пыржал в плавках и в маске; или «...в легком вооружении», что означало «без ничего». Вечером мотором вышли в устье Верхнего Пелмы и там заночевали, жестоко терзаемые комарами и духотой.

Новый день ознаменовался хорошим порывистым ветром переменных направлений и довольно внушительным волнением. Вся эта кутерьма была организована пятью или шестью грозами с ливнями и шквалами. Как раз то, что надо

для парусных учений, и мы весь день трепескались посреди Тумана, теперь уже при полном парусном вооружении, т. е. при гроте и стакселе.

Как мы узнали позднее, за всеми нашими маневрами с ужасом наблюдали с берега ереминские рыбаки. У нас были первые зрители! А надо заметить, что яхтсмены более тщеславны и честолюбивы, чем даже опереточные примадонны. Конечно, картина жутковатая, когда яхта, издали кажется, лежит на боку и исчезает в волнах. А мы тем временем впервые в жизни наслаждались управлением парусами при свежем ветре. Во время одного из грозовых налетов мы вообще спустили паруса, бросили якорь, забрались в рубку и нахальнейшим образом пообещали посреди озера. С этого дня и до конца навигации ветер сделался для нас порой коварным, но всегда желанным и, в сущности, весьма надежным другом.

Вечером мы ненадолго приставали к берегу, чтобы приготовить ужин, поскольку газ у нас кончался, но для употребления ужина и ночевки мы опять-таки стали на якорь километрах в двух от берега. И ночь стала сказочным продолжением фантастического дня: под мерную качку, свист ветра в снастях, шорох волн и поскрипывание якорного каната, в хорошо продуваемой рубке и без единого комара, изнемогая лишь от полноты дневных впечатлений, мы впервые за многие дни насладились полноценным живительным сном. Выяснились еще два замечательных обстоятельства: судно практически непотопляемо, а весь экипаж великолепно переносит любую и сколь угодно долгую качку. Днем мы порядочно приняли на борт воды и теперь она утробно урчала под пайолами. А капитану, наверное, уже виделась во сне конструкция самоотливного кокпита.

Утром нашему старшему водолазу и главному орнитологу захотелось обследовать гнездо орланов, замеченное еще накануне. А мы не захотели отказать себе в удовольствии видеть, как он будет кувыркаться с огромной сосны, поэтому высадили его с фотоаппаратами и «кошками» на берег, а сами пристроились наблюдать за его действиями в бинокли. Увы, ничего выдающегося не произошло...

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

В устье Верхнего Пелыма мы вошли под парусами при слабейшем и встречном ветерке. Там, в охотничьей избушке, знатно перекусили, а затем парусами же пошли против течения к деревне Шантальской. В Шантальскую прибыли через четыре часа, описали изящную «восьмерку» на ее рейде и пристали к берегу, встреченные ошеломленными селянами. В нас, как на дрожжах, выработался и бродил этакий специфический и, на наш взгляд, совершенно не-отразимый «флотский шик», типа «Проездом, знаете ли, с бермудской регаты...», но надо было действительно видеть, как кто-нибудь из нас то и дело небрежно замывает рубку и палубу после стремительной и удачной швартовки.

На ночлег стали к берегу чуть выше Шантальской «на ветерке», которого нет. Около нас сразу же зароились пацаны с велосипедами.

– Накопали бы нам червей, парни. Есть ведь они у вас в огородах? Сделайте добрее дело! – И парни с готовностью укатили.

– Надо ведь будет их как-то вознаградить, если они червей привезут, а у нас даже конфет нет, – поделился со мной своей заботой наш шеф-повар, интендант и суперкарго Ипполитов.

– Но у нас есть сушки! – откликнулся я.

– А, что там сушки! Кого они соблазнят?

– Не говори, парень. Нужна лишь реклама! – и я торопливо ознакомил его с общими контурами сценария. А тут и пацаны подоспели с червями. Я принял у них червей на берегу, сдержанно поблагодарил и небрежно кинул Володе, замешкавшемуся в рубке:

– Ипполитыч! Посмотри-ка там, не завалялось ли где сушек! Надо парней угостить, они нам червей привезли!

– Нет сушек! Остались одни баранки! – после умеренной паузы откликнулся Ипполитыч.

– Какие еще баранки?

– Да, те самые. Военно-морские! Из десантного рациона!!

– Ну, так давай хоть их сюда!

Глаза у парней загорели, когда они увидели наши бараньиши, еще гаринские и безнадежно высохшие баранки. Они их тут же с благоговением расхватали и мигом исчезли на глазах только что подошедших и предельно изумленных Филатыча и Виктора.

С этого момента все принадлежности нашего судового быта в торжественных случаях стали сопровождаться пышными эпитетами «императорский королевский военно-морской...», например, «императорская королевская военно-морская швабра», «императорский королевский военно-морской перец (или соль)» и т. д.

В обратный путь из Шантальской ушли мотором. Хотелось поберечь время для Тумана. По пути, на правом берегу, около заброшенной деревеньки Заречной напились и взяли в запас натурального нарзана из обожженной скважины с дебитом около 40 миллилитров в секунду.

А Туман приготовил для нас прямо-таки ураган. Еще при подходе к знакомой избушке мы почувствовали, что рядом, за мысом, происходит нечто невообразимое: до нас долетел угрожающий рев волн, а кустарники и травы на мысу буквально лежали под написком ветра, и даже здесь, в затишке, как бы в естественной бухте ходили тугое и упругие волны.

Разумеется, мы остановились в избушке и первым делом плотно пообедали. И до обеда, и после него каждый из нас под предлогом интимнейшей надобности побывал на мысу, после чего все сделались очень сосредоточенными.

– Хватит телиться. Поехали! Это вам не баб ереминских и шантальских очаровывать! – подвел итог своим мрачным раздумьям капитан Филатыч. Мы угрюмо повиновались.

– Может не мыть посуду? – наивно поинтересовался Ипполитыч.

– На хрена нам теперь вся эта гигиена? – поддержали его здраво прочие члены экипажа.

– Забыли морской закон! – и капитан полез в свой рундук за крайне дырявой, но идеально чистой тельняшкой. Его примеру последовали и мы, покорно натягивая на себя наиболее чистые и приличные предметы собственных гардеробов.

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

Но все наши резонные опасения рассеялись, как только мы поставили паруса, и судно закувыркалось по волнам, повинуясь действию парусов и руля.

– Крутой бейдевинд! – квалифицировал действия команды капитан...

– О! О!! – и совершается нахальный поворот с бейдевинда фордевинда. Бутылки, склянки и банки, а также упомянутые выше пиалы разлетаются вдребезги тихо и деликатно, не отвлекая нашего драгоценного внимания от более внушительных бед. Вот с ласковым прощальным взмахом исчезает за бортом наша разлюбезная императорская военно-морская швабра... А вот уже тяжелой свинцовой грудью на нас наваливается жестокий грозовой шквал...

Мы соглашались с аборигенами, интуитивно разделяя их убеждение, что Туман, и особенно в жестокую засуху, способен вызывать «на себя» мощные ливни и грозы, но теперь могли убедиться в этом на практике. Кругом засуха! На горизонте третий день десантники с неба кувыркаются! А здесь...

Эх, раз! Да еще раз!
Дальняя дорога!
Не робейте, моряки.
Воздушная тревога!!

Короче говоря, мы измотали эту тучу настолько, что она, урча и стреляя молниями, удалилась за горизонт, оставив после себя мертвый штиль. Да такой, что мы приняли лодку, проходящую у противоположного берега, за... дирижабль... и подготовились к абордажному бою с инопланетянами. Жаль, у нас нет пушки, но об этом надо будет подумать потом...

До выхода из Тумана было еще далеко, но мы уже глубокой, но почти белой ночью попытались на скорости пройти в устье реки Елмыс. Трава и меляки преградили нам путь, а при мертвом штиле мы шли на моторе. Бросили якорь, почувствовав, что винт безнадежно забит травой. Все, кроме меня, попрыгали в воду, чтобы умыться и освежиться после всех превратностей. А я вяло потрепескался в ведре. При

полном отсутствии малейшего наличия элементарного жирового слоя под кожей я смертельно замерзал при каждом купании наших богатырей. – Ужо вам! Погодите, – мистически подумал я. – Моя изобретательность беспредельна! И мы еще поглядим, чего стоит против нее ваша хваленая жировая прослойка!

Случай представился незамедлительно. Эти дурни под занавес решили поставить на ночь нашу дырявую 20-метровую сетку. Какие возможности! Я прямо-таки затрепетал от вожделения.

Их погубила маленькая задрипанная щучка, которая им попалась тогда, когда они еще ставили сеть.

– Вот видите, сколько тут рыбы! А вы еще хотите на всю ночь сетку ставить. Да вы проневодите сеткой, хотя бы вокруг корабля! – гаркнул я им, уютно покуривая на крыше рубки.

Дальше можно было пить чай и ложиться спать, но я мужественно и до конца пронаблюдал весь этот спектакль.

Сначала они поймали в свой «невод» несколько коряг, затем в него попался Амеличев с его ста с лишним килограммами живого веса. Потом в сетку угодил Филатыч, и добавилось еще 95 кг улова. Ипполитыч усердно возил всю эту прорву по топкому мелководью, но его еще и поругивали...

Подав несколько весьма дельных советов, я упал с рубки и уполз умирать в кубрик. До меня еще долго доносились «сдержанные» выкрики и могучие всплески, прежде чем грязнущие и продрогшие «купальщики» ввалились на корабль. К счастью, они уже забыли, кто подал им такую шикарную идею.

– Ну, что, купальщицы-Сюзанны? Крокодил не ловится? – и я этим неосторожным вопросом был вынужден еще выслушать три независимых версии о всех произошедших событиях...

А злополучную щучку со сломанным хребтом капитан лично и мощным взмахом поднял, а затем бросил в набегавшую невесть откуда волну. Так было отомщено удручающее отсутствие жировой прослойки у некого небезызвест-

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

ногого читателю индивида. А вообще-то я слышал, что людей с таким физиологическим дефектом даже не берут на морскую службу. Но как быть тогда с капитаном Кусто?

Утром со стоянки, пользуясь слабым ветерком, ушли парусами прямо по зарослям коварной водной растительности. Вот и еще одна замечательная особенность нашего вполне экологичного судна выявилась! Мотором бы мы в этой траве увязли. Укорачивающимися галсами при встречном ветре красиво вышли из Тумана в Малый Пельм. Парусные учения закончились, теперь начнется работа.

Еремино уже знало о наших подвигах и встретило нас приветливо. Получили в дар от друга Сереги мешок великолепных сушеных чебаков, которыми лакомились потом до самого Тобольска, а новая ночь застала нас уже на Тавде, на якорной стоянке у острова Ситовского. Ежедневно выпиваем ведро квасу собственного приготовления. Комары свирепствуют. В лесу полно клещей.

Речные капитаны нас признали. Наше судно у них имеется «парусным пароходом», что нас невероятно возвышает в собственных глазах, мы пользуемся любым случаем, чтобы «выступить» перед публикой. Как-то на подходе к поселку Томскому мы красиво обошли плот, буксируемый катером, а затем нас догнала самоходка.

– Эй, на шхуне! Приготовьте швартовы! – прогремела команда из мощного динамика. Это означало, что капитан самоходки сбавляет ход и приглашает нас стать к нему под борт, чтобы следовать у него на буксире.

– Нет! Не нуждаемся! – ответили мы ему знаками.

– На шхуне! Вы вино пьете? – надрывался голос в динамике, и мы что есть силы гаркнули: – Пьем!!

– Так приготовьте швартовы!!

Между тем самоходчик совсем застопорил свою машину, и мы на слабом ветерке начали удаляться от него. Тогда он выскоцил из рубки, побежал по палубе и замахал руками.

– Ребята! Подождите! Дайте, хоть я вас сфотографирую! Против этого мы уже не могли устоять. Развернувшись, выписали излюбленную свою «восьмерку», обошли вокруг

дрейфующей самоходки и направились опять своим курсом. Деликатным и уважительным обращением нас можно заставить даже «оверкиль» совершить!

— Ребята! Может, вам что-нибудь надо?

— Спасибо! Ничего не надо! — поспешили ответить мы, но тут же кто-то спохватился: у нас же нет швабры, а без нее, как без рук.

— У нас швабру смыло в Пельмском Тумане, так нет ли у вас куска каната, чтобы новую сделать?

Не долго же раздумывал бравый капитан самоходки: — Держи! — и он метнул нам вслед свою собственную тяжеленную швабру. Мы ее выудили из воды багром, сердечно поблагодарили капитана и ушли за поворот.

— Но позвольте, на императорскую королевскую военно-морскую она не потянет, — дивились мы исполинским размерам дарственной швабры, — она же нас потопит! Ну, ничего, доведем ее до требуемых кондиций. Но доводить ее не понадобилось. На стоянке в Томском к нам подошла знакомая самоходка и на борт к нам явился ее предельно сконфуженный капитан.

— Ребята! Я ведь вам, оказывается, единственную свою швабру отдал. Не подумал, знаете ли. Вы уж ее мне верните, а я вам каната дам, сколько надо.

Вот она, широкая русская натура! Задним умом крепка! Мы великолушно и охотно согласились на сделку, и скоро на всю округу загремели удары тупого топора о стальную палубу самоходки, на звуки которых отовсюду набежали другие капитаны с криками: «И мне! Ты и мне обещал!!» И наш новый приятель надолго переквалифицировался в рубщика канатов. А мы на очередной стоянке сотворили новую швабру именно по своему привередливому императорскому королевскому военно-морскому вкусу.

На участке между Таборами и Сарьянкой мы познакомились с настоящим туманом, когда не видно и собственного носа, да еще в ночном походе.

А случилось так, что мы очень спешили в Таборы и поэтому километров на тридцать (!) проскочили мимо них. Штурманская служба «Флоры», к моему вечному стыду, ока-

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

залась весьма и весьма не на высоте. Сначала мы увлеклись гонкой с какой-то назойливой самоходкой, потом беспечно проводили взглядами невидимый поселок, не опознав в нем центр Таборы; наконец, по вечернему холодку наш скромный «ЗИД-4.5» так разбежался, что просто грешно было его глушить... Пока разобрались, наступила глухая ночь и выпал упомянутый выше туман. А в Таборах мог назавтра появиться начальник Филатыча – С.М. Мамаев. Вот и пришлось нам заворачивать оглобли. Мамаев, кстати, так и не появился ни в Таборах, ни в Тавде, несмотря на наши упорные телефонные призывы.

В Тавде мы заправлялись бензином и газом, принимали у себя на борту вокально-инструментальный квартет студенток из Свердловского медицинского института и отражали яростные абордажные приступы моторизованных местных поклонников медицины и вокала. Вот уж когда нам пригодилась задушевная пиратская песня:

- За нами гонится эскадра по пятам!*
- На море штиль, и не избегнуть встречи...*

Ниже города Тавды река заметно оживилась и потучнела, хотя здесь три месяца не выпадает дождей. То и дело встречаются великолепные песчаные пляжи и столь же великолепные береговые обрывы. Копаться в мощной толще четвертичных аллювиальных отложений очень увлекательно: в них записана новейшая геологическая история обширнейшего края, а если повезет, то в них можно раскопать и мамонта. Иногда, сидя за рулем, чувствуешь, как яхту швыряет на 10–20 метров могучими и таинственными водоворотами. Повсюду плоты, а берега сильно захламлены древесиной. Вверх и вниз снуют катера и самоходки, не говоря уж о юрких моторных лодках. Здесь держи ухо востро, рулевой! Однажды нам даже встретился колесный пароход, буксирующий огромную баржу. Его приветственный звериный рык надолго погрузил нас в неумеренный телячий восторг.

А вообще нам повезло, что мы начали навигацию на сравнительно глухих, безлюдных и тесных реках. Мне вспоминается наше до неприличия суетливое оживление, которым сопровождалось поначалу появление перед нашими

взорами из-за поворота какой-нибудь самоходки или водометного катера, кстати, как правило, беспечно пренебрегающих всеми правилами и всяческими нормами речного судоходства. Теперь мы спокойно следуем своим курсом, внимательно следим за действиями встречных и обгоняющих судов и сдержанно смахуем знаки внимания, которые нам оказывают.

Подлинную деморализацию в наши стройные ряды в первой декаде июля внесли атаки завиднейшим образом организованных полчищ слепней. Мы бились как львы, о чем есть кровоточащие записи в вахтенном журнале, но силы были слишком неравны, и нам оставалось удовольствоваться сомнительным терапевтическим эффектом стихов неизвестного автора:

*Титанам падать – не дано!
Борись мечом либо идеей.
Победа венный час созреет,
Как в погребе заветное вино.
Уверен будь! Обычай предков помня,
Иду на Вы! – сперва провозгласи.
Потом врубись во вражеские сонмы
И большего от жизни не проси.*

Впрочем, одному из «титанов» пришла в голову замечательная мысль – настричь резинок и щелкать ими торжествующих победу слепней при малейшей возможности, хотя бы тренируя при этом снайперский глаз. И надо сказать, что в запертой рубке это оружие оказалось весьма эффективным. Восхищенным свидетелям таких схваток оставалось лишь выгребать из рубки груды поверженных врагов. О, если бы можно было по такой методе изъясняться с действительными врагами!

Между тем, мы приближались к Тоболу и выходили на короткий, но памятный всем отрезок маршрута экспедиции Ермака. Вода в Тоболе нам показалась значительно теплее и светлее (мутнее), чем в Тавде, а сам он – слабее по водоносности, чем Тавда. Но суда здесь идут огромные. Мы

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

не могли позволить себе на столь знаменательном отрезке тобольской магистрали употребить наш мотор. Поэтому даже смытие с борта преступно не закрепленного мешка с нашей надувной лодкой потребовало от нас головокружительных и сложных эволюций, заключившихся записью в бортовом журнале: «Штурману-рулевому объявить строгий выговор за непотребную лихость, а всем членам экипажа – благодарность за четкую работу». Мы потом недолго, но всем экипажем дивились на этический парадокс, блестяще разрешенный Виктором Гюго в романе «93-й год»: «Вот тебе заслуженная награда, а теперь мы тебя расстреляем...»

В нашем случае виновника сначала расстреляли, а уж затем возложили все заслуженные регалии на его хладный труп. Надо полагать, что тень печального яхтенного штурмана еще долго будет волновать воображение суеверных речных капитанов.

Наши короткие вылазки на берег живая природа на побережье ограждала с горячим и завидным темпераментом. Демагогия и снисходительность здесь неуместны. И здесь уже даже наша знаменитая «легкая матросская поступь» воспринималась с недоверием, и наш непревзойденный легкий таксаторский шаг не единожды сменялся паническим бегством. Заедает гнус! Но как приятно кувыркнуться в рубку и закричать: «Уходим! Уходим отседова к чертовой матери!» И знать, что скоро мы должны действительно оказаться на пронзительном речном-морском ночном ветру. Рубка – это рай, а якорь – это клад, который мы еженощно просто отдаляем на сохранение реке...

Согласно народным песням, к Тобольску нужно подходить на струге, подбоченясь и заломив шапку на буйной голове. Именно так мы и поступили, и ожидания нас не обманули... Что толку описывать наши впечатления от Тобольска, когда это уже сделано в тысячах публикаций! Я здесь как-то грешным делом отстоял даже обедню, и скромное молебствие «о плавающих и путешествующих, страждущих и плененных» погрузило меня в экстаз. Господи! Сколько известных и бесконечное множество безвестных землепроходцев именно здесь и именно с этой мольбой начинали свой путь в бессмертие!

Тобольск был основан в 1587 году и в это же время, по распоряжению «сибирского воеводы», на судах по Оби была отправлена экспедиция, возглавляемая «московским гостем Лукой». Ей поручалось плыть до устья Оби, а затем пройти к Енисею. Лука и большая часть его спутников погибли, но в Москву был доставлен отчет, который до нас не дошел, но о нем упоминается в сочинении голландского географа Исаака Масса, переведенном с русского языка (!) – на голландский в 1609 году. Вот как далеко простирали свои лапы всесильные в те времена голландцы! Но и русские были не лыком шиты! Оборотистые новгородцы побывали в низовьях Оби еще в 1364-1365 годах, о чем есть запись в Новгородской летописи... Сибирь – это наш родной край, и надо всеми средствами бороться против его безоглядного разграбления, надо грудью встать против позиций безответственных временщиков.

А в Тобольске от нас уходили главный водолаз и верховный суперкарго. Замены им не было, и мы с Филатычем опять оставались вдвоем, на этот раз на мощной груди Нижнего Иртыша.

– Были бы кости, а мясо нарастет! – угрюмо провозгласил капитан, когда мы уходили из Тобольска. Небо нахмурилось, и мы надевали ватники, когда попеременно выходили на судовую вахту. Праздник кончился, наступают суровые трудовые дни. Но великолепный и щедрый случай уже ожидал нас за поворотом в ближайшие дни.

В это серое и хмурое утро мы вяло пожевали наш немудреный матросский харч, а затем пожелали уйти с якорной стоянки парусами. Я оставался рулевым, поскольку мощности моих хилых мышц не хватало для трудоемких работ со снастями. Я поднаторел в этом деле и привычно заработал румпелем. Но ветра не было, его не было во всей округе, его не было вообще. А мы с упорством маньяков ловили парусами дым собственных сигарет. Надо сказать, что для руля требуется скорость, чем выше скорость, тем послушней руль. И нас с неумолимой неизбежностью занесло в глубокий омут, красиво декорированный упавшими деревьями.

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

Капитан выставил по правому борту мощный багор, а я мог лишь наблюдать за его действиями, не имея права покинуть руль. Капитан уже нацелился багром в ствол мертвого дерева, чтобы оттолкнуть от него судно. Я четко видел, что капитан промахнулся буквально на несколько миллиметров, а затем он гулко ухнул в омут, как святой Георгий Победоносец, потрясая бесполезным уже копьем... А я влепил в кусты наше обретшее от толчка ускорение судно...

Из дремучей топи, в ватнике и с биноклем на груди, капитан пробивался к борту. Я помог ему взобраться на корабль. В этот момент к нам подлетела моторная лодка.

– О, да здесь, кажись, тонут!

– О, да здесь, кажись, Семериков с Плотниковым!!!

Наш сотрудник Андрей Судьбин неведомо откуда взялся и тотчас присоединился к нашему сдержанному разбору событий.

В полутора километрах от места катастрофы находилась база географов из Иркутска. И мы торжественно прибыли к ним, буксируя и лодку Судьбина с безнадежно заглохшим мотором.

Нас с иркутчанами объединяли застарелая дружба и прочное сотрудничество в разработке проблем перераспределения речного стока в так называемом Срединном регионе СССР.

Инициаторы этой идеи сделали свое дело: гигантский институт «Союзгипроводхоз» добился задания и на протяжении многих лет осуществлял проектирование очередных циклопических гидротехнических мероприятий, величаво абстрагируясь от многих мелких, но реальных и насущных нужд водного хозяйства страны и привлекая к этому увлекательному и денежному занятию еще и со стороны огромные творческие силы... В то же время на Урале, например, Свердловская и Челябинская области рвут из рук друг у друга весьма ограниченные водные ресурсы верховьев реки Уфы под носом у Башкирии, тогда как обветшала демидовская водохозяйственная система Урала приходит в окончательный упадок...

Достаточно вспомнить печальную историю проектирования Нижнеобской ГЭС. И хочется сказать: «Не надо! Не надо этих красивых и жирных наполеоновских стрелок на карте страны. Нужна повседневная, незаметная и изнурительная работа по закручиванию вентиляй, по регулярной замене копеечных резиновых прокладок в сотнях миллионов бытовых водосмесителей, по реконструкции архаичных ирригационных систем, по жесткой регламентации промышленного и сельскохозяйственного водопотребления... и по всемерной пропаганде здравого отношения к природным ресурсам страны.»

Иркутчане обосновались в заброшенной деревеньке Миссии на высоком правом берегу Иртыша. Обосновались, надо сказать, весьма капитально. Огороды были тщательно возделаны, так что к столу всегда имелась свежая зелень, любители уединения могли проживать в изолированных от мира «коттеджах». По их уверениям, здесь временами со студентами скапливалось более ста человек.

— Вот бы и нам так где-нибудь на Нижней Оби осесть, — размечтались мы с Филатычем, — чтобы и зимой иногда можно было бы на недельку-другую уединиться, в баньке попариться да покумекать у камелька... Надо будет присмотреться по дороге.

Геннадий Васильевич Бачурин и Юрий Васильевич Поляшкин показали нам свое хозяйство, рассказали о научных результатах и планах, угостили благородной рыбой. А ночью состоялся большой праздничный концерт. Любезные хозяева и не подозревали, что наш Андрей Судьбин есть признанный бард, миннезингер и менестрель, а экология иксодовых клещей — разносчиков грозного энцефалита — есть лишь одно из его многочисленных увлечений. Читатель, наверное, уже догадался, что менестрель со следующего дня был мобилизован в императорский королевский военно-морской флот.

Из Миссии уходили парусами при мертвом штиле. Очень уж нам хотелось покрасоваться перед географами. Благо, что на реке всегда течение есть: оно и унесло нас от позора за ближайший мыс. Глубоко прав Иван Алексан-

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

дрович Гончаров: «Штили, а не бури – ужас для парусных судов». У нас еще мотор имеется, а каково было морякам с фрегата «Паллада» неделями ожидать желанный ветер... Да в нашем случае можно было бы при крайней нужде веслами обойтись, которых, кстати, у нас и не было.

В Увате мы запаслись продуктами и заправились бензином. Последнее оказалось очень даже непросто, но нам хорошо помогли шоферы из Тюменского геодезического предприятия, которое занималось здесь съемкой трассы проектируемого левобережного канала Белогорье – Тобольск. Трудно себе представить, особенно на местности, но проектировщики переброски стока Оби на юг первоначально руководствовались идеей превращения Нижне-го Иртыша с помощью трех напорных гидроузлов (плотин) в «антиреку»: Иртыш должен был быть повернут вспять. Позднее от этой идеи отказались и приступили к проектированию упомянутого канала, пересекающего крайне заболоченную часть Западно-Сибирской низменности. Хрен редьки не слаще!

По пути стараемся заглянуть в устьевые зоны правых и левых притоков Иртыша. У меня все больше созревает намерение собирать в будущем массовый статистический материал по экологической характеристике водосборных бассейнов сотен и сотен мелких нижнеобских притоков первого порядка. Как-никак, а именно они будут первыми реагировать на систематическое снижение обводненности Нижней Оби.

Около деревенек и сел на реке часто можно увидеть суровых старушек с удочками. Тоже одна из примет времени. Их добытчиков, кормильцев и поильцов отняла война, а свежей ушицы так хочется! Вот и приходится зябнуть на пронзительном ветру. Север и посреди лета нет-нет да и дохнет обжигающей стужей. А вообще в эти дни чаще нака-тывали грозы, иногда с градом, и преобладали встречные ветры, которые для нас не могли быть помехой. Крутой бей-девинд – излюбленный наш ход, и со сменой галсов можно не спешить на столь обширной водной магистрали. Еще в Тобольске мы переоборудовали такелаж, существенно на-

кренили мачту вперед, и теперь судно прекрасно слушалось руля при любых маневрах. Андрей Судьбин (110 кг веса) поначалу отлично справлялся с функцией передвижного балласта, а потом все чаще подменял нас у руля. К тому же он оказался гурманом, отчего наш стол вновь обрел былое великолепие.

Лайнеры «Тобол», «Родина» и «Казахстан» приветствовали нас бурным восторгом своих пассажиров – транзитных туристов. На нас же огромное впечатление произвел поселок Горнopravдинск. Сразу видно, что у этого поселка есть рачительные хозяева, – такой он весь ухоженный и уютный: на улицах непривычные топи, а клумбы, и с благородными цветами, а у входа в универмаг половичок (!) свеженький постелен... Так и надо! Ведь не под вечное затопление, а на долгую жизнь создаются здесь поселки.

Вечером 21 июля при свежем ветре мы миновали устье Конды и одновременно парусами и мотором вошли в Кондинский Сор. Не успели еще бросить якорь, как к нам подлетела моторная лодка с двумя рыбаками. Оказались приветливые ребята из Ханты-Мансийска. Неуютно им будет этой ночью в открытой лодке. Пригласили их к себе. Места хватит. За ужином да разговорами просидели чуть не до утра. Кубрик у нас освещается от аккумулятора, а на плите завариваются все новые и новые порции чая. Такие встречи, как правило, дают очень много интересного и полезного; можно забыть обо всем на свете, слушая рассказы какого-нибудь сильно помятого жизнью бродяжки.

Над Кондинским Сором мне довелось летать в 1978 году на патрульном гидросамолете, а в 1982 году мы с племянником Валерой Власовым сплавлялись по Конде от Ивдель-Обской железной дороги до Шайма на резиновой лодке. В верховьях Конды нам тогда крепко досталось: буквально у каждой излучины реки нас подстерегали мощные завалы, которые нас совершенно измотали.

Нельзя считать, что завалы являются естественной при- надлежностью реки. С одной стороны, лесозаготовители сплошь и рядом вырубают лес до самого русла, преступно не соблюдая установленных водоохранных запретов. Если

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

они и оставляют узкую полоску высокорослого леса вдоль реки, то ее немедленно выбивает ветром. С другой стороны, лес теснят пожары. В паводок мертвый и ослабленный лес валится в воду, скапливается у излучин и образует завал. Река зачастую идет в обход завала, сокрушая на своем пути новые древостои и участки берега... Так эта круговерть переламывает и реку, и жизнь в ней. Да, и жизнь! Ведь каждый завал, протяженностью иногда в сотни метров, представляет собой запруду, а река превращается в каскад слабопроточных заморных прудов. Сотни прудов! В них можно найти Валерин спиннинг и полдюжины моих любимых блесен, но рыбы в них нет и не предвидится.

А вот ниже «зоны завалов» (понимай: зоны интенсивной лесоэксплуатации) рыбы полно. Мы вдоволь поразвлекались, вылавливая щук, нащелкивая их по носу и отпуская обратно в воду: «Не попадайся, разиня! Не цепляйся за всякую железяку!!», — и стоило видеть их свирепые взгляды, когда они, оскорбленно вильнув хвостом, уходили от нас в речную глубину.

Турсунтский Туман мы тогда форсировали с попутным штормовым ветром. Нужно было только следить, чтобы лодку не развернуло бортом к волне, для чего достаточно было орудовать одним веслом. Очень надежны эти лодки, состоящие из трех независимых надувных секций! Не страшны для них и мели.

На этот раз в Кондинском сору все у нас особо кондиционно и кондово! Наши ночные гости напоследок подарили нам десяток малосольных стерлядок (особенно хороши в ухе).

Начинаем всерьез подумывать о создании Музея подарков «Флоре». Разумеется, подавляющее число экспонатов может быть в нем представлено лишь скромными табличками с художественными надписями, типа «Муксун. Вес 2,5 кг. Подарен неизвестными браконьерами на трапперзе поселка Карымкары. Употреблен с благодарностью в малосольном виде» или «Бензин. 100 л. Подарен лесничим в Шеркалах. Израсходован на пути до Салехарда», но могли быть и вещественные экспонаты, которые можно потрогать

руками: швабра, флаг-отмашка, книги, свечи, поршень с шатуном, батарейки, якорь и т. д. А как быть с добрыми советами и цennыми сведениями? Во всяком случае, спасибо вам всем, друзья!

А над сором гулял свежий ветер. Полагаем, что временами наша скорость достигала 20 км/час. Вдоль и поперек изборо здили нижнюю половину сора, но в верхней его части из-за мелей приходилось придерживаться обозначенного и весьма узкого фарватера. Несколько раз приставали к берегам, знакомились с рыбаками и рыбинспекторами, заходили в устья мелких речек.

Сора – это огромное богатство нижнеиртышской и нижнеобской пойм! По соотношению различных геометрических структур и своему гидрологическому режиму любой сор представляет собой превосходное рыбохозяйственное и охотниче-промышленное угодье: на подавляющей части территории сора имеются идеальные условия для развития высшей водной растительности, являющейся кормом и субстратом для водных беспозвоночных; молодь ценных пород рыб имеет здесь хорошие нагульные пастбища; глубоководные ложбины обеспечивают возможность миграционных перемещений рыб при самом низком уровне воды, они же предоставляют рыбам укрытие от различных неблагоприятных факторов; заросли осок служат надежным убежищем и источником корма для водоплавающей птицы и ондатры. При существующем гидрологическом режиме такому водоему не грозит эфтрофикация, т. е. процесс бурной деградации его жизнедеятельности, поскольку он регулярно и на всей поверхности промывается мощными водными потоками. Наибольшую опасность для экосистем соров в настоящее время представляют загрязнения нефтепродуктами; ведь всего одна тонна нефти, разливвшись мономолекулярным слоем, способна вывести из строя двенадцать километров поверхности водоема. Предполагаемое изъятие части стока реки Оби ставит существование соров под угрозу...

Вторая ночь в Кондинском сору была туманной и холодной, а днем установился знайный и душный штиль. Назревает нечто атмосферическое! Решили уходить обратно в

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

Иртыш, обследовав предварительно устье речки Окуневой. Окуневая вполне оправдала свое название.

Уже на Иртыше на нас, было, очень грубо навалился мощный буксир, резво бегущий снизу налегке. Мы заранее освободили для него судовой ход и ждали отмашки, но он упорно не замечал нас и пер наперерез. Мы шли мотором. Судьбин ворочал румпелем, а я наблюдал за ситуацией, сидя на своем излюбленном месте в кокпите. Капитан отдыхал в рубке.

– Иди своим курсом! Мы сделаем все, чтобы по правилам разминуться со встречным судном! – рявкнул я рулевому, и он послушно закостенел у руля. Форштевень буксира, между тем, скалой нависал уже над нашими головами. Только тогда и заполыхали над ним ослепительные вспышки сигнала.

– Лево на борт! Расходимся правыми бортами.

На мостики буксира выпорхнула, казалось, ослепительной красоты женщина, но мы лишь сдержанно погрозили ей кулаками. Не скоро еще мы пришли в себя от ожидания почти неминуемого и неравного тарана. Но можно понять и рулевого с буксира: такая женщина может превратить буксир и в подводную лодку!

– Мал клоп, да вонюч! – резюмировал наш взъяннованный рассказ заспанный Капитан, но осталось невыясненным, кого он разумел под клопом: наш ли дерзновенный корабль или красавицу с буксира? Надо полагать, что все это вместе.

Мы приближались к славному порту Ханты-Мансийску. Да! Здесь и самому достопочтенному Синдбаду-Мореходу негде было бы пришвартоваться: весь берег скрупулезно поделен между солидными и влиятельными организациями-судовладельцами, а вплотную к берегу пролегает главный судовой ход. В конце концов, мы нашли выход, встав на якорь прямо под знаком, категорически запрещающим всем и всяческую стоянку. Справедливости ради следует заметить, что именно здесь нас никто и никак не потревожил.

Капитан намерен был отсюда съездить дней на десять в Свердловск. В его намерения входило оставить здесь

меня при судне для охраны и сбережения такового до его прибытия.

Я заявил:

– Какого черта мы будем трепескаться здесь на рейде, когда мы можем встретить тебя где-нибудь в Сергино или Березово! У меня есть права судоводителя. Накопился и опыт, одинаковый с твоим. И Нижнюю Обь я и теперь знаю получше тебя. Никакого риска! Судно будет ждать тебя в Сергино!

Все эти доводы и решительное согласие Судьбина решили судьбу нашего судна на ближайший отрезок навигации.

В городе мы получили почту. И я получил первое за сезон письмо. Домашние увлечены уходом за садом и расходованием моих скромных денежных средств. Моя старшая дочь закончила в этом году с отличием Уральский государственный университет по специальности «биохимия». Ей выпадало преподавать биологию и химию в средней школе...

Все эти новости побуждали лично меня немедленно поднять паруса и лететь, хоть в Антарктиду. Вот мы уже простились с капитаном и выходим на пустынное речное плесо, но за нами гонится моторка: капитан купил билет на самолет лишь на завтрашний день. Какой же смысл ночевать в гостинице, да и есть ли там места?

В этот вечер мы сначала потрясли продавщицу пива чудовищной емкостью нашей, по номиналу 10-литровой, но искусно раздутой канистры. Потом мы успешно выступили с парусными учениями перед неведомой нам кассиршей из Аэрофлота и, наконец, мирно угомонились на известной всезапретной стоянке. Ночью нас еще прополоскал внушительный ливень, так как мы не удосужились поставить над кокпитом обычный заслон из куска брезента. Хмурым утром капитан отправился в аэропорт, а мы с Андреем начали раскручивать свой путь сначала вдоль бесконечных причалов и пакгаузов.

Дружные крики и свист с одного из пирсов заставили нас пристать к нему. В щеголеватом наблюдателе за раз-

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

грузкой пузатой баржи мы с трудом узнали ночного гостя с Кондинского сора. Хорошо иметь много друзей! После короткой и тем более оживленной беседы в наш судовой реестр можно было занести внушительную охапку свежих огурцов. В разговоре выяснилось, что на днях здесь появлялась какая-то яхта, по-видимому, с верховьев Оби, но мы тогда не придали этому известию особого значения.

В пункте слияния Иртыша и Оби у нас заглох мотор. Около разделительного пестрого буя не понадобилось даже и якорь бросать. Яхту здесь могло вертеть на одном месте часами. Дали мотору остыть, долили в картер масла, почистили свечу, и движок довольно заурчал, вынося нас на обширное нижнеобское плесо. Справа возвышенностей Белогорский материк, слева низкая пойма, но виднеется и протяженный лесистый увал. Да, пожалуй, этот створ всегда будет соблазнительным для гидростроителей: прямо руки чешутся соорудить здесь плотину! Только зачем?

Надо заметить, что наш двигатель не имел холостого и заднего хода, и это требовало особого искусства при подходе к берегу или уходе со стоянки. Работа руля существенно различалась в зависимости от того, парусами или мотором приводится в движение судно. Рулем же нужно уметь в некоторых случаях резко погасить скорость. А вообще плавание по могучей реке доставляет огромное наслаждение; за каждым поворотом или мысом, как здесь говорят, тебя ожидают новые яркие впечатления, встречи и события. Перед призывом «музы дальних странствий», как известно, не могут устоять даже и целые континенты.

*Турбины свист или стук колес
В глубокую грусть погружают меня.
Я знаю, что мчусь. Но куда? Вот вопрос.
Куда лечу от родного огня?
Видно, писано мне на роду
Вечно спешить и, участь кляня,
Снова и вновь попадать в беду,
Лишь призрак удачи в душе храня.*

Вот и бессонница, гостем незваным,
Шутки изволит со мной шутить,
Мол, истина ходит в одеждах рваных
И надо, дескать, ее найти.
Что же, в хоромах мы истин не ищем,
Но в хижинах истиной тоже не пахнет,
И в бочке громадной с выбитым днищем
Истиной нам по мозгам не шарахнет.
Истины нет! Просто нет. Есть Движение!
В жалких попытках понять его суть
Мчимся и мы, поддаваясь влечению
Сложной спирали изведать путь.

Надо полагать, что эти рифмованные философские раздумья были бы желанной находкой для грозы поэтов – ядовитого пародиста Александра Иванова, только ведь он тонко чувствует, кого можно, а кого и нельзя пощекотать насмешкой...

На судне всегда полно работы, и даже ночью нельзя вполне расслабиться от забот. На этом отрезке маршрута я полностью осознал всю меру капитанской ответственности. Раскачиваясь в темном и тесном кубрике, спеленутый спальным мешком и оглушаемый храпом беспечного напарника, толковый капитан должен четко различать до десятка одних только разновидностей бульканья. Да, бульканья! Вот под правым бортом плещутся волны, а вот – под левым, но звук другой. Если эти два звука нарушают свой ритм, то значит переменился ветер и следует опасаться, как бы нас не унесло неведомо куда вместе с якорем. Вот вода переливается под пайолами, значит завтра нужно будет опять ее вычерпывать. Вот булькает бензин в носовом баке, а вот – тот же бензин в расходном бачке. Вот бродит квас в ведре, а вот он же урчит в громадном желудке менестреля...

О, если бы так же различать смутные сигналы и в той, основной, широкой и сложной жизни! Вот скрипит твое застарелое заблуждение, вот испускает последние пузыри твоя радужная надежда, вот робко скребется у порога успех, а вот в последнем предупреждении замирает изношенное сердце...

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

Большей частью мы на реке совершенно одни гоняемся за ненадежными порывами ветра. Караваны судов обычно появляются к вечеру, когда мы уже ищем укромное место для ночной стоянки. Около редких населенных пунктов подвергаемся атакам моторных лодок, управляемых подростками, и нашествиям шустрых детишек. Здесь еще купаются вовсю. А однажды даже самолет АН-2 совершил над нами круг почета. Над рекой все больше сгущается сизая дымка. Душно.

День военно-морского флота мы встретили в поселке Карымкары. Здесь познакомились с гидрологами из Минска. На их прекрасном стационаре помылись в бане, посмотрели телевизор, подзарядили аккумулятор и запаслись дистиллированной водой, насладились разговорами над малосольной нельмой, принимали и у себя на борту гостей. Наутро неплохо выступили с парусными учениями, воспользовавшись невесть откуда набежавшим ветерком.

«Стационар у минчан весьма солидный, а мы просто-напросто бичи, – записал я тогда в дневнике и в вахтенном журнале. Именно здесь мы ясно почувствовали, насколько мы все-таки одичали в нашем экзотическом странствии. Как-то еще на Тоболе Ипполитов без всякого предупреждения ровно час не промолвил ни слова, наблюдая за нашей оживленной беседой, а потом еще около часа колдовал над какими-то статистическими выкладками. Результаты оказались сокрушительными.

– Вот статистика! За один час каждый из вас, уважаемые коллеги, произнес по 40-50 слов или выражений паразитов, а попросту говоря, непечатных оборотов. Наиболее употребительны следующие выражения (зачитывается короткий список). Как видите, ваш словарный запас поразительно беден, а фантазия крайне убога: абсолютно преобладают пошлые штампы. Достойны упоминания лишь единичные, более или менее оригинальные и изысканные речевые обороты (зачитываются). Удивляюсь, как вы вообще понимаете друг друга. От титулованной и оステпененной академической элиты хотелось бы ожидать большего. Мне стыдно за вас, друзья!

Мы корчились от позора, как черти на сковородке, а потом еще несколько дней боялись открывать рты. Глянешь этак по сторонам... и сдержанно крякнешь. Черная меланхолия царила на корабле. Ученый секретарь института Нина Петровна Пичугина, навестившая нас в Тобольске, даже удивилась: «Что это вы все мычите да крякаете? Прямо зверинец какой-то!».

К райцентру Октябрьское мы подошли по несудовой протоке, вспугнув по пути десятки браконьеров, промышляющих плавными сетями муксунна. Нелегкий это промысел: ночью на волне и ветру плавить сети, опасаясь представителей закона, конкурентов и затонувших коряг... Добро было бы можно было в магазине этой благородной рыбы купить, а то ведь отправляют ее невесть на чай стол, а то она еще и квасится где-нибудь в ржавом трюме, а то и всплывает сама собой кверху брюхом от какой-нибудь химии...

Ночевали на якоре, напротив Октябрьского, прямо на Великом Браконьерском Пути, который здесь называется «плав». Осмелевшие браконьеры, удостоверившись в наших мирных намерениях, завалили кокпит полуаршинными язами. Не знаем, что и делать с этой, по местным понятиям, поистине «сорной» рыбой... В Октябрьском я еще в прошлом году пользовался любезным гостеприимством главного лесничего лесхоза Николая Семеновича Лошкарева. В Тюменской области вообще работает очень много выпускников нашего Уральского лесотехнического института.

4 августа мы были в Сергино у железнодорожной станции Приобье, чтобы встретить капитана, но Филатыч в этот день так и не приехал. Андрей купил себе билет до Свердловска на 6 августа. А еще мы познакомились с ребятами из Нижнего Тагила, которые пробирались на Обь, но сильно заинтересовались нашим судном: оказывается у них есть свой яхтклуб. Сначала они издали снимали нас на кинопленку, потом мы все дружно пообедали у нас в кокпите и воздали должное их домашней калгановой настойке. На ночь мы ушли на якорную стоянку в ближайшую неходовую протоку.

Утренним поездом Филатыч не приехал, и нужно было ждать дополнительного вечернего поезда. На день мы ста-

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

ли рядом с пассажирским причалом, благодаря чему смогли пронаблюдать множество забавнейших эпизодов, самым колоритным из которых была все-таки операция под кодовым названием «Эпрон».

Метрах в десяти от нас, уткнувшись носом в берег, стоял щегольской разъездной катер с могучим 100-сильным мотором. Мы с Андреем посиживали в кокпите, нежились на солнце, покуривали и лениво обсуждали мореходные достоинства покачивающегося перед нами великолепного судна. Только вдруг оно именно на наших глазах как-то судорожно дрогнуло и с легким вздохом начало быстро погружаться кормой. Мы изумленно переглянулись: «Что за чертовщина!» А когда перевели взгляды на «ныряющего голландца», то из воды торчали только его нос и крыша каюты, а течение уносило прочь бойкие пузыри и разводы бензина...

Мы устроились поудобней, примерно как на длительное бдение у телевизора, не забыв предварительно поставить чайник на плиту. Между тем, отовсюду набежали благодарные зрители, а вот уже несутся разопревшие «невесть отчего» хозяева утопшего катера. Как бы теперь пригодилась вчерашняя кинокамера! Но только без звукозаписи... Темпераментно обменявшиеся авторитетными мнениями между собой и болельщиками, пострадавшие судовладельцы куда-то исчезли, но вскоре вновь появились, облепив моего земляка – автомобиль «Урал». Вот они уже зацепляют трос за носовую «утку» катера. «Урал» добродушно уркает, и «утка» вместе с «мясом» покидает свое насиженное гнездо... Теперь трос набрасывают сразу на две оставшиеся правую и левую «утки». Правильно! Уж если кончать «птичек», так разом! «Урал» сдержанно урчит, катер подается вперед; «птички», сами понимаете, крякают... Катер погружается еще основательней...

Спасатели в бешенстве разгоняют восторженную публику. Нас они благоразумно не трогают. Здесь они и сами могут «по рогам склопотать», тем более что мы их совершенно бесплатно консультируем. Теперь они решают завести буксирный трос под корму, что и следовало делать с самого начала. Но для этого надо же нырять! И вот уже самый

бравый из них, с кучей наколок на тощей груди, повизгивая, погружается «в легком водолазном снаряжении». Но трос много короче, чем требуется, а «Урал» и так еле держится на обрывистом берегу. Тогда все уходят. Их нет долго, и мы уже начинаем скучать.

Но вот эпроновцы появляются с грудой тросов. Спектакль продолжается. Они, видать, где-то «подгорячились» и действуют очень уверенно. Во всяком случае в воду лезут уже двое моржей. Третий с крайней неохотой присоединяется к ним, скатившись с наклонной крыши каюты, откуда он пытался осуществить общее руководство операцией... В воде царит оживление, как на детском утреннике с раздачей подарков, но здесь раздаются эпитеты...

В конце концов удается опоясать тросом корму. «Урал» рычит, трос натягивается, катер левиафаном выползает из воды до половины корпуса. Вместе с заполнившей его водой все это сооружение весит никак не меньше десятка тонн. Через иллюминаторы видно интерьер каюты, временно переоборудованной под аквариум... Но не успеваем мы налюбоваться тайнами подводной жизни, как трос со свистом лопается в каком-то из многочисленных соединений и катер возвращается в полюбившуюся ему речную купель... Нет слов!

Дубль всей процедуры получился удачным. Катер все-таки вырвали из пучины! Сергинское отделение «Эпрона» могло торжествовать победу над стихией, к чему, надо полагать, оно и приступило немедля, величаво удалившись на славно потрудившемся «Урале».

Мы с Андреем тщательно обследовали подводную часть катера-утопленника, но ничего достойного внимания не нашли, кроме банального, но в данном случае красноречиво полого отверстия для слива подланевых вод. Именно распозабытая пробка, невесть каким образом выпавшая и неведомо где затонувшая, и послужила торпедой, потопившей могучий корабль. Ну, что же, именно на пробках подрывались и не такие корабли!

Эту мораль, кстати, совершенно не по адресу, мы наглядно преподнесли своему подоспевшему с поезда капи-

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

тану. Надо полагать, что у него сладко защемило сердце, когда он увидел свое бело-голубое детище горделиво покачивающимся на бурных волнах оживленной Сергинской ходовой протоки. Во всяком случае он выразил нам благодарность, прежде всего в виде неподъемного рюкзака со свежей картошкой, помидорами и прочей всякой витаминизированной снедью. Потом он выразительно пощелкал по увесистой бутыли с чем-то идеально прозрачным... Пароль принят. Мы уходим на нашу прежнюю якорную стоянку. Завтра Андрею уезжать, и мы его посадим на паровоз. Нечего ему «бичевать» на вокзале этого «международного» порта!

Я передал Филатычу бразды, и мы опять остались вдвоем. Филатыч рвался в Октябрьское, но я убедил его двигаться дальше, на Север: там интересней, а командировки мы сможем отметить и в Шеркалах. Так и порешили.

По-видимому, на «белую» зависть сергинских деятелей «Эпрона» мы поставили паруса и величественно проследовали сначала вдоль изувеченных паводком газово-трубчатых пирсов, затем по засаленной судовой протоке и, наконец, по тугой струе Оби.

Вечер и неодолимая сонливость загнали нас в устье реки Ламской. Здесь мы и стали на якорь. Каждая маломальски уважающая себя речушка, впадающая в Обь, считает делом чести иметь собственный и суверенный «микросор». По моему глубокому убеждению, подобный «микросор» является своего рода «буферным соединением» между рекой и основной обской магистралью: сор перехватывает и аккумулирует сток речушки, сор стабилизирует и предохраняет ее русло от капризов стока Оби... Сор совершает еще множество полезностей, а в данном случае он просто приютил на ночь наш усталый корабль. Благодарностью переполняется сердце морехода, когда он находит уютную и укромную бухту.

Но этой бухте мы вознамерились отплатить самой черной неблагодарностью. Заброшенный поселок лесозаготовителей на мысу над ней, сравнительно легкая доступность ее со стороны любых транспортных коммуникаций и достаточная обозримость всех проявлений жизнедеятельности

экосистемы ее водосборного бассейна – все это есть реальные и соблазнительные предпосылки для организации здесь одного из наших стационаров на Нижней Оби. Разбойничий налет с гиканьем и свистом хорош, спору нет, и кое-кто из нас неплохо владеет этой методой, но нужны и планомерные, комплексные и стационарные исследования на определенных ключевых участках...

Из Ламской бойко ушли парусами и быстро добежали до Шеркалов. Там еще на подходе заметили на берегу оживление. Оказывается, двое знакомых тагильских ребят издали опознали наш корабль. Пристали к берегу, взяли на борт нагруженных хлебом парней и пошли к их стоянке за Шеркалами. Теплая встреча с остальными членами тагильской бригады, обед в их не без комфорта оборудованном лагере.

Такие стоянки на таежном берегу Оби встречаются очень часто. Отпускники или пенсионеры приезжают сюда по 4-5 человек: рыбачат, охотятся, заготавливают клюкву, бруснику, грибы и кедровый орех. Их легко понять: в крови большинства людей прочно сидит инстинкт землепроходца и добытчика. Важно, чтобы они на природе вели себя осторожно, благородно и грамотно.

В Шеркалах мы заночевали, повидались с лесничим и с его помощником. От последнего получили в дар связку чебаков необыкновеннейшей жирности (осенних). Дальше нам захотелось пройти по моему прошлогоднему маршруту по протокам в сторону озера Унтор. Такие повторные посещения одних и тех же мест чрезвычайно поучительны. Именно в них ощущаешь огромную динамичность ландшафта. Обыкновенные фотографии одного и того же пейзажа с одной и той же точки, но сделанные в разное время, дают немало «информации для размышления». Мало кто знает, что одной из самых выдающихся разведывательных операций времен второй мировой войны была очень простая и неотразимая процедура, организованная английской стратегической разведкой. При подготовке операций второго фронта военные скоро убедились, что плохо знают обстановку на западном побережье европейского континента.

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

Тогда по радио и через газеты обратились к нации: требовались всевозможные любительские фотографии, открытки и туристические проспекты, где были бы отражены какие-либо детали характеристики атлантического побережья Европы. В течение нескольких дней от населения таким образом были получены миллионы соответствующих документов. А потом за дело взялись опытные специалисты — дешифровщики и картографы... Все происходило открыто, но парировать этот ход не было никакой возможности... Аналогичным способом и «малой кровью» в экологии можно выявить множество удивительных вещей.

Побывали в избушке, где я базировался в прошлом году две недели. Унылое в сущности место! А ведь было мне здесь неплохо: совершал короткие походы по округе, стрелял уток на мелких озерках и вылавливал щук из проток примитивнейшей счастью, налегке уходил в леса и болота низкого левобережья Оби, по вечерам писал при свече, слушал транзистор и засыпал под гомон гусиных табунов.

Вода в протоках быстро спадала, и нам нужно было уходить отсюда обратно в Обь. При малой воде и штиле особенно заметно обилие в здешних водах фито- и зоопланктона. Филатыч интенсивно собирает гербарий: он все более решительно настроен заняться генетикой диких луговых трав.

Ночью, уже на Оби, нас все-таки сорвало течением и ветром с якоря, так что ненастным утром мы обнаружили себя дрейфующими посреди огромного плеса. Бдительность потеряли, капитан! Основная ошибка состояла в том, что мы бросили якорь на каменистом грунте. В районе Перегребного берега и русло реки сильно загажены металлом и бетоном, а в самом Перегребном в воскресенье оказалось невозможным даже спичек купить, не говоря уж о хлебе и куреве... В ярости ушли из этого проклятого места в Малую Обь. Отовсюду доносится беспорядочная браконьерская пальба. Наши ружья еще лежат разобранные в чехлах, хотя у нас и имеется специальное разрешение на отстрел птицы. А здесь хозяйничают временщики.

К вечеру в Малой Оби встречный ветер с дождем набрали внушительную силу. Катера и лодки куда-то подавались, но мы упрямо идем вперед парусами и короткими галсами. В низовьях Оби еще не то будет! Хуже всего, что у нас кончилось «фабричное» курево, остается довольствоваться аварийным запасом махорки, но на дожде и ветру, да еще озябшими пальцами не очень-то скрутишь цигарку. Слышу, ох, слышу голоса благочестивых некурящих: «Бросать надо эту вредную привычку!». Только старый шкипер спрячет в бороду лукавую усмешку:

...У каждого из нас на совести, мой братец,

Лежит немало всяческих злодейств...

Почти затемно подошли к прямой, как труба, протоке. Бросили якорь на стрелке у красного буя. Но рвет нас ветер с места. Пришлось уйти к другому берегу протоки под защиту песчаной косы. На Оби (Большой и Малой) творится, по-видимому, что-то невообразимое. Судов не видно ни сверху, ни снизу. И наша случайная стоянка очень ненадежна. Ветер, течение и волны играют яхтой, как пробкой. И в берег стать нельзя: там нас разобьет...

Более двадцати часов пролежали мы в рубке, поминутно выскакивая наружу, чтобы полюбоваться на все это безобразие. Какой уж тут сон, когда в борт бьет таран и кто-то наигрывает на снастях дикие мелодии шторма... Но всему, и хорошему, и плохому, рано или поздно приходит конец. Этому учит нас диалектика...

Филатыч сует мне под нос морскую таблицу силы ветра и волнения. Но для рек-то эти сказочки не годятся! Здесь существует множество дополнительных обстоятельств: ширина, глубина и извилистость реки, характер русла и берегов, скорость и сила течения, предметы, которые несет река, и т. д. и т. п. То, что на море – свежий ветерок, на реке может наделать немало бед... Вон и сейчас на берегу деревья ломает или выворачивает с корнем, только стукоток стоит!

Наконец буря начала вроде бы утихать, снизу появились первые суда... Решили и мы уходить, а дело уже к вечеру. Одним стакселем резво ушли к противоположному

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

берегу. Там поставили грот и при встречном ветре пошли в лавировку. У правого берега, на ветру, бьется крутой и тугой вал. На одном из галсов именно у правого берега не смогли перевалить за линию ветра. В последний момент нас сбивает ударами вала в левую скулу яхты. Делаем новую попытку сменить галс, но скорость уже потеряли, и нас отбрасывает вправо. На третьей попытке с оглушительным треском лопается грот вдоль нижней шкаторины. Порвало парус! Ветер раздирает его на всю ширину. В это же мгновение лохмотьями грота с крыши рубки смахивает за борт наш флаг-отмашку. А рядом уже приглубый берег, ощетинившийся завалом леса. Шкоты давно сорваны со стопоров, т. е. паруса свободно полощутся, но нас наваливает и вот-вот зашвырнет в завал...

Со второй попытки удается запустить мотор, и мы уходим против ветра и волны с этого бойкого места. Весь эпизод занял несколько десятков секунд, но сколько он натворил: грот изувечен, отмашка уплыла, в кокпите полно воды, в рубке разгром, и наши поджилки звенят от напряжения. А в сущности, именно в такие моменты и живешь полнокровной жизнью, черпаешь ее горстями, упиваясь победой над враждебными обстоятельствами. Память о таких мгновениях западает куда-то в подсознание и дремлет там годами, но в черные минуты слабости и упадка духа она дает о себе знать могучим призывом к действию.

В поселке Нижние Нарыкары мы запаслись провиантом, выманили у простодушного капитана обстановочного катера запасную отмашку и ушли чиниться в глухую протоку. Филатыч в лицах передал утренний разговор женщин у магазина.

– Мой-то вчера вечером заявляется с реки... Мокрущий! Грязнущий!! Да еще четверых таких же за собой ведет. Искупались, говорит, а то я не вижу! Вон какие страсти на реке-то творились...

Назавтра вышли опять в Малую Обь и поставили паруса. На траверзе брошенного поселка Елма-Шапка занесло нас ветром и течением в очень цепкую протоку. Пока барабатались в ней, узнали с проходящего встречного теплохода,

что впереди нас, примерно в 50 километрах, по Малой Оби следует ДРУГАЯ ЯХТА! Буря эмоций. Мы чуть не попадали за борт. Наши ощущения можно было сравнить лишь с ужасом бедного Робинзона Крузо, когда он увидел на девственном песке своего острова отпечаток чужой ступни... Наши кровные лавры теперь будет пожинать кто-то другой! А как было бы интересно встретиться двум экипажам и сообща помечтать об ярком будущем парусного флота.. А какую гонку можно было учинить!!

Почти машинально, парусами и на последних тактах мотора, некстати оказавшегося без горючего, выбились из злополучной протоки на основной фарватер, залегли в дрейф и заправили расходный бачок бензином. Догонять чужую яхту нет смысла. Ищи ветра в поле! Да у нас и разные задачи! Но досадно чертовски...

В очередной неходовой протоке Филатыч в сердцах уходил пару уток. Ее здесь прорва. Здесь и стали на очлег. Следующий день ознаменовался нудным дождем, и мы не захотели уходить с уютной стоянки. Открыл и я охотничий сезон. Сена в этом году в пойме Оби ставится очень много: на каждом шагу встречаются шумные поселения заготовителей корма.

По комфорtabельной Неремовской протоке решили уйти в Северную Сосьву. Водораздел между Обью и Сосьвой совершенно неожиданно оказался весьма заметным. Вода в Северной Сосьве по сравнению с Обью чистейшая: чувствуется близость уральских притоков реки. В любой точке горизонта видны стаи уток. Деревня Шайтанка очень живописна со стороны реки, населена она преимущественно хантами. Судов здесь мало, и наше появление производит должное впечатление. Увы, пресловутая «чужая яхта» поубавила у нас спеси. Так и смотрим, не покажется ли где белый парус...

Из Шайтанки поднялись дальше вверх по Сосьве. Выше Игрима она вообще будет очень даже девственной по нынешним понятиям рекой, но нам туда не надо. Долго петляли по обмелевшим левым протокам Сосьвы, но так и не сумели пробиться к близкому уже таежному матерiku. На ночь

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

стали в небольшом затравяневшем сору. На сон грядущий наблюдали полную и двойную (!) радугу на востоке. Весьма впечатляли и аспидно-черные тучи на светло-голубом фоне в западной части горизонта. И на наши грешные души опустилась неземная благодать... А утром оказалось, что вода в сору за ночь упала на 15 см, и нам в порядке физзарядки пришлось с полчаса выпрашивать яхту из цепкой грязи. Потом нас с утиного рациона потянуло обклеивать стеклотканью и эпоксидной смолой стык между рубкой и палубой, поскольку через него при дожде в рубку протекает вода. Закончили работу, и надо удирать, а то в этих протоках обсохнем насухо.

Парусами вернулись в Шайтанку. Увы, сухой закон здесь настолько сух, что в магазине нет даже сахара. Не помогли даже апелляции к славным традициям императорского королевского военно-морского флота, не помогло наше ослепительное мужское обаяние..., а кругом такие восхитительно пьяные рожи. С проклятиями вздернули паруса и полетели прочь из этого святого и грешного места.

Громадное неудобство нашего нынешнего тандема состоит в том, что в дальний пеший заход приходится отправляться одному, второй должен оберегать судно от угона, разграбления и прочих неожиданностей. Как тут не вспомнить свой заветный рюкзачок и беспредельную свободу действий под его универсальным грузом. Ничего! В Березово наш экипаж пополнится, но хуже нет, чем ждать да догонять.

Как было сказано, водоплавающей птицы здесь очень много, и мы мигом израсходовали наш охотничий азарт. Все здешние слабопроточные водоемы представляют собой гигантские естественные птицефермы, так что боязно даже и воды зачерпнуть из протоки: сплошной аммиак. При резком спаде воды это все хорошо заметно...

В Березово мы дождались Володю Семерикова – сына Филатыча, заканчивающего Уральский лесотехнический институт. На судно он зачислен в качестве гардемарина: двухметровый детина очень пригодится нам во время осенних штормов. Теперь можно уходить в Большую Обь, что мы и сделали за три перехода при хороших ветрах.

В ночь на 28 августа наблюдали впервые в этом году северное сияние. Ночью в рубке тепло, но донимает конденсат: он так и сочится по стенам, отчего все вещи по утрам становятся волглыми. Чем ближе к концу навигации, тем чаще на меня накатывают раздумья о предстоящей зиме и вообще о предвидимом будущем.

Еще весной по Институту разнесся слух, что я перехожу вновь организуемый Институт экологии Волжского бассейна на какую-то номенклатурную должность. Вообще-то я считаю, что не те времена, чтобы под каждую новую проблему создавать новый институт. Для этого в большинстве случаев достаточно использовать мощности имеющихся институтов, разумно видоизменив их тематику, подчинив ее запросам новых основополагающих и перспективных идей. Но сама постановка вопроса в данном случае мне нравится: не экология растений, не экология животных и даже не экология человека, а именно экология водосборного бассейна (неважно какого), как естественного терриориально, исторически и функционально единого подразделения биосферы. А вот к номенклатуре у меня не лежит душа. В эпоху «индустриальной технологии научного производства» мне хотелось бы использовать все преимущества индивидуального творческого поиска...

В Казым-Мысе мы стали на ночевку носом в берег, за что и получили наутро жестокую трепку. Вчерашний мертвый штиль с дождем к семи часам утра сменился штормом. Некоторое время мы еще пытались удержаться против стихии якорем и двурогой «кошкой», но ветер и волны все с большим ожесточением стремились зашвырнуть нас на берег. При попытке уйти мотором отказала свеча, и к тому же на винт намотался линь от «кошки». В конце концов стали носом в берег. Волна бьет в корму и руль, как кувалдой, и заплескивает в кокпит. Завели с транца брезент, очистили винт, наладили двигатель. Все это время наш гигант находился в воде, удерживая яхту, а затем разворачивая ее носом от берега. Не единожды погружался и капитан по грудь, лишь я со своим застарелым плевритом ограничился приемом воды в сапоги. Наконец, нам удалось выбраться

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

на глубину и запустить мотор. Да, наш гардемарин сегодня отличился, и мы его срочно произвели в мичманы.

Новая стоянка в устье небольшой речушки оказалась чрезвычайно комфортабельной. Еще на подходе к ней своими глазами наблюдали, как ондатра на берегу пожирала здоровенную рыбину. Вот вам и травоядное животное! Нет, вегетарианство в мире животных очень относительно. Еще на Пелыме мне нынче удалось поймать на блесну язя. А что касается ондатры, то она охотно поедает моллюсков, тем самым способствуя, в частности, распространению описторхоза...

Наши ихтиологи неплохо разобрались во взаимоотношениях между ценными сиговыми и малоценными частицо-выми рыбами: при систематическом снижении обводненности Нижней Оби естественное равновесие между ними решительно нарушится в пользу последних. При виде огромных скоплений ворон и чаек мне приходит в голову, что и они, подобно «сорным» рыбам, при новом гидрологическом режиме изрядно потеснят благородных представителей охотничье-промышленной орнитофауны. По утверждению орнитологов, ворона и теперь есть «враг номер один» для всех прочих пернатых... Но множество подобных интуитивных догадок требуется подкрепить ясными и неотразимыми расчетами. Но только и они не производят должного впечатления на технократов, привыкших оперировать миллиардами тонн, кубометров и рублей. По-видимому, в этом деле надо уверенней и активней привлекать на свою сторону общественное мнение. Гласность! Вот чего больше всего боятся заматеревшие чинуши в любой сфере бытия...

От нашей стоянки до устья Оби, т. е. до Обской губы, осталось 540 км, а до Салехарда вообще рукой подать. Впрочем, где оно, это устье Оби? Салехард лежит в начале дельты, но от него до морского траверза Обской губы еще 1094 км, да в пределах Карского моря русло Оби прослеживается на протяжении около 200 км... Надым, Таз и Пур есть по существу притоки Оби. Вот оно какое Нижнее-то Приобье!

Последние два дня лета выдались у нас санитарными. Перестирали свое тряпье и просушили его на жарком та-

ежном костре. Великая вещь – костер! Можно часами та-ращаться в его зыбкую глубину. Все мы в конце-то концов огнепоклонники. Филатыч обил рубку парашютной тканью, а я вдоволь набегался по тайге.

Я люблю бродить по лесам один. Только тогда действительно все слышишь и все замечаешь. Единственный «жуткий» случай произошел со мной в 1960 году на Волге. Тогда я занимался таксацией лесного массива около нынешнего Тольятти. Надо сказать, что в тот год нам выдали аспидно-черные энцефалитные костюмы. Они и вообще-то в те поры были еще новинкой, а эти к тому же страшно линяли. Итак, в своем черном балахоне и бритый наголо я шустро скользил по тесной лесной тропинке в сторону дома. Решив подзакусить на ходу, достал из сумки громадный кусок колотого сахара. Разбивать его дальше мне не захотелось, и я невероятным усилием протолкнул его в рот целиком. Сделалось неуютно: рот не закрывается, а извлечь кусок обратно я уже не могу. Кое-как переправил его за щеку: растает же он когда-нибудь... И в этот момент выкатился мне навстречу из кустов мужичок, глянул этак на меня, икнул и сел. Я ему пытаюсь объяснить, что не надо меня бояться, но могу только мычать, вращать глазами и сверкать оскаленными зубами. Тогда мужичок развернулся на четвереньки и взял такой старт, что куда там олимпийцам! И как знать, может быть, оттуда и пошла молва о пришельцах-инопланетянах?

В районе Горок река кишит рыбаками и рыболовецкими плашкоутами. Подходить к плашкоуту не рекомендуется: капитан может поплатиться за это правами. А рыбу вам за водку рыбаки доставят на борт в любом качестве. За неимением водки мы получили свежую нельмушку, весом около 3 кг, просто в подарок.

Около Питляра берег отмелый. Даже моторки стоят на якорях и уходят с места веслами. Мало воды! Трудно представить, как все это будет выглядеть при еще более низкой межени. До Салехарда 120 км. Решили идти вниз по правой несудовой протоке. Имели на ней две стоянки. На северо-западе завиднелся Полярный Урал.

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

На подходе к Салехарду протока загудела от моторов. Под их рев и заночевали. В переход к Лабытнангам вышли с дождем и при встречном ветре. «Флора» возвращается в свою колыбель и в порт приписки. Честно говоря, у меня в ушах гремел встречный марш, когда мы пробирались вдоль бесконечных пирсов по знакомой тесной протоке с грязнущей водой. Думаю, что в душе капитана звучали золотые фанфары. Внешне же все было очень серо и буднично, и мы с большим трудом нашли место, где можно было бы приткнуться к берегу. Наших катеров «Зоолога» и «Науки» на рейде нет.

В Лабытнангах на «Зеленой горке» находится Салехардский стационар нашего Института. Первым делом встретились здесь со своим старым другом Вячеславом Федоровичем Сосиным. Вот бы о ком книги-то писать! Около четверти века живет и работает он в Заполярье, а уж Ямал-то он и вокруг, и вдоль, и поперек пропал. В проклятые старые времена ему бы и наименование соответствующее присвоили, скажем, Сосин-Ямальский.

А нам теперь хотелось пройти дальше по Оби и в Хадыту. Там намечалось очередное randevu. Но нас все в голос взялись уверять, что из-за малой воды в Хадыту нам теперь не попасть. Мы хорошо представляли обстановку и вполне допускали, что так оно и есть. Тогда мы срочно разработали запасной вариант: пойдем в Лонготьёган, где нам еще не доводилось бывать, там встретим нашего ихтиолога Валерия Михайловича Шишмарева.

Вечером, уже затемно, миновав поселок Харсайм, мы завидели впереди какие-то неподвижные судовые огни. Глянули в бинокль. Что-то очень знакомый силуэт. Никак наша «Наука»! Подошли к ней, так и есть: с полуотбитыми лопастями винта, сломанным пером руля и полуузатопленным моторным отсеком «Наука» ползет с низов в Харсайм. Надо заметить, что незадолго до этого randevu нас крепко боднула в левый борт расшалившаяся лодка с пьяными музыками. Опасны эти игры на Оби! Только в эту навигацию два катера ушли здесь на дно вместе с экипажами. Очень хотелось нам разыскать шалунов в Харсайме да помять им

немножко ребра. Пришвартовались к «Науке», своим мотором помогаем ей одолевать повороты. Филатыч изнемогает от счастья. Еще бы: «Флора» буксирует «Науку»! В Харсайме и стали на ночлег. Катерникам придется ждать попутного боксера, так как своим ходом им в Лабытнанги не уйти. Но-чью в рубку набилось капитанов, как сельдей. Всем хочется послушать рассказы о нашем походе.

Наутро выдался хороший ветер, и капитаны легко уговорили нас прокатить их под парусами. Тут уж мы с Филатычем превзошли себя, демонстрируя молодецкие повороты, изящные крены и прочие свои фокусы. Надо отдать должное капитанам. Чуть ли не вываливаясь за борт, они оставались совершенно невозмутимы. Флот есть флот! Все были довольны, но больше всех, пожалуй, все-таки мы.

Вторая ночь в Харсайме была очень холодной, а в горах выпал снег. Свежий северовосточный ветер на глазах превращается в шторм. На тугой и крутой волне переваливаем через Обь, проходим мимо поселка Халасыпугор и попадаем в сильно обмелевший Лонготъёганский сор. Вода в самом Лонготъёгане чистейшая, течение сильное. Вот мы и в тундре. А вот из-за очередного поворота вылетает лодка, а в ней, разумеется, Шишмарев!

Хозяйство у Шишмареаа капитальное: изба, кладовые, баня, движок вырабатывает электричество... Только ведь и сидеть им здесь чуть не до нового года: они будут вести сплошной (!) учет сигов, идущих в верховья реки к своим заветным нерестилищам. Сегодня уж поздно, а завтра мы непременно насладимся баней. Кухня у ихтиологов, как всегда, соответствует высшим мировым стандартам.

Назавтра переправляемся на другой берег и уходим в тундру, кто куда. Если в осеннем лесу бывает много светлой печали, то в осенней тундре временами накатывает невыразимая тоска: черные тучи стелются над низким горизонтом: кажется, что именно они загоняют в скучную землю чахлые признаки жизни; Полярный Урал холодно серебрится, стонут чайки над задумчивыми протоками, пахнет сырой стужей и прелыми травами... В такие минуты не надо поддаваться унылым раздумьям и горбиться под ударами упру-

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

гого ветра, как это делаю я. Тундра щедра! Вот из-под ног с треском вылетает выводок куропаток, а у меня и ружье болтается за спиной. Успеваю все-таки сбить одну птицу. И вот уже кровь пламенеет в жилах. Мир снова прекрасен! Тундра приветлива, и ветер ласков! Пусть ханжи заходятся ненавистью к древнему инстинкту. На узких горных, таежных и тундровых тропах что-то их не видно. А если они и попадают случайно туда, то природа их отторгает с неумолимой и слепой беспощадностью...

После прогулки по зарослям тундровых кустарников в самую жестокую стужу можно выжимать собственное белье, как после генеральной стирки. Но потом, на реке, мороз и ветер покажут тебе легендарную кузькину мать. А здесь имеется редкий случай после всех превратностей обдать себя сокрушительным березовым паром... Нет слов!

Наутро уходим при сыром ветре и сильной дымке. Ставим стаксель, чтобы пропозировать Шишмареву, снимающему нас кинокамерой. При таком течении нам достаточно было бы и одним рулем управляться, но идем мотором и стаксель не убираем. Легко, «в струе», прошли сор. Остановились в Халасыпугоре, побывали в магазине, объяснились с аборигенами и с их собаками. Кстати, когда по-мансийски рявкнешь: «Пырья!», то и ненецкие собаки начинают вполне дружелюбно обнюхивать твои дырявые сапоги. Впрочем, я подозреваю, что достаточно гаркнуть просто что-нибудь короткое, впечатляющее и властное на любом языке мира.

Потом мы ровно десять часов пробивались вверх по штурмовой Оби силой мотора и парусов. Очень неприятный был момент, когда в расходном бачке кончился бензин. Одни паруса против течения тянут плохо, скорости нет, ветер и волна делают с нами почти все, что хотят, а хотят они немало...

Затемно уже благополучно пристали в неходовой протоке напротив Лабытнангов, где и заночевали.

В Лабытнангах вывезли яхту с реки на «Зеленую горку», установили ее на подкладки, обили сверху донизу досками и по доскам еще обтянули черной полиэтиленовой пленкой. Яхта превращалась в монумент, но мы даже еще две ночи

в ней ночевали: дико было слышать завывание ветра и не ощущать привычного ритма качки...

В ближайшие дни нам предстоит «коловращаться» во все более цивилизованном мире. Я давно уже замечал, насколько растерянными, беспомощными и нелепыми выглядят да и чувствуют себя самые бравые полевики, выброшенные из аэропорта в яркую, самоуверенную и самодовольную городскую толпу. Этот психологический феномен легко объяснить, но сам переход из положения хозяина в состояние раба обстоятельств может быть чреват даже клиническими эффектами...

После посадки в Березово, пересадок на автобус в Свердловске и на поезд в Челябинске я к полуночи добрался домой. Окончен очередной жизненный этап. Пройдут годы, забудутся мелочи быта, но старая фотография, корявая запись в дневнике или просто порыв ветра нет-нет и разбудят в крови ослепительно яркое и могучее ощущение полного слияния со стихиями в момент парусной гонки. Память, как и природа, не терпит пустоты, и в наших силах заполнить ее красивыми и вдохновляющими страницами.

Пройдено около четырех тысяч километров водного маршрута. Четыре месяца мы вживались в естественный ритм реки и проникались ее непростыми проблемами. Научные результаты оформятся в виде отчетов, статей и книг, осядут в сознании в виде заманчивых идей и услужливого опыта. Время покажет, насколько эффективной оказалась наша наглядная пропаганда экологически чистого малого речного транспорта. Над воображением капитана Семерикова уже властвует образ более совершенного парусно-моторного экспедиционного судна с практически неограниченным районом плавания...

Десятки сотен дней звучит мой монолог.
В своей норе зализывая раны,
Лечусь предошущением тревог,
Живу предошущением буранов.

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

Гремят за стеной цепи времени.
Я серый гранит повседневности
Пытаюсь расплавить дыханием.
И видятся мне в непрогляднейшей темени
Смутные контуры мироздания...
Крылья мои плесневеют под грузом
Чужих и моих заблуждений, но я
Уверен, что будет нужен
Целительный плесени этой яд.
Упругий ветер его раздует,
По всем уголкам Земли разнесет.
И кто-нибудь, в пропасть метнувшись,
Раскинет руки, но вместо паденья начнет полет...

Итак, в нынешнюю навигацию корабль ушел без меня...
Его должны перегнать вверх по Оби, в район Сергино, и там
поставить на зимовку. Другие люди спят на моем рундуке и
несут штурманскую вахту. Другие ветры дуют в их паруса.
И это все будет замечательно! А про меня капитан сказал:
«Пусть он пишет книгу!» Не знаю, сделал ли он об этом рас-
поряжении запись в судовом журнале, но книга – вот она!
Потому что блистательную морскую дисциплину еще никто
не отменял...

Август-сентябрь 1985, г. Миасс.

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР-Р-Р!

(Документальная повесть)

Памяти штурмана авиации,
капитана дальнего плавания,
доктора биологических наук
Леонида Филатовича Семерикова,
посвящается.

Однажды я принес в Редакцию журнала «Урал» рукопись документальной повести о том, как делалась академическая наука в начале 70-х годов на Южном Урале. На это какой-то молодой прохиндей вполне, впрочем, резонно долбанул мне, как говорится, «по рогам»:

– А Вы что, маршал Жуков, чтобы мы захотели Ваши мемуары печатать? – и в его голосе прозвучала характерная интонация кремлевского вершителя судеб миллионов.

– Подумаешь! – скажет капитан любого сухогруза или танкера, – Да я десять раз в навигацию прохожу по этому маршруту! Тускло все, банально и серо. Никакой романтики!

И все же, все же, все же... (гениальная формула К. Симонова).

На рваных парусах изношенного брига,
Распрозабытого своей родной страной,
Влетели в гавань. Рявкнул боцман – поп-расстрига,
Матросы замерли свинцовою стеной.
Сколь ни дивился вождь осанке капитана,
Грозя бедой из под тяжелых век,
Уверенно шагнул меж копьями охраны,
Чему-то усмехаясь, этот белый человек.
А виделась ему за многими морями страна рабов...
И вздыбился клочок державы парусами.
Прости, надежда, и прощай, любовь!

Последняя строка заимствована у Дж. Г. Байрона, но именно в таком настроении конце июля 1990 г. мы вышли в

плавание по маршруту Лабытнанги-Мангазея на двухмачтовом паруснике «Флора-II».

Надо заметить, что, начиная с 1984 г., мы уже «пиратствовали» в Обь-Иртышском бассейне на одномачтовике «Флора», о чем даже опубликована соответствующая повесть (В. Плотников. На фоне больших кораблей. – Югра, 1993, №№ 7-12). Первую «Флору», капитально переоборудованную из обыкновенной рыболовецкой бударки, мы очень любили и забирались на ней в самые малые речушки, порой увязая снастями в ветвях деревьев. Не боялись на ней ни мелей, ни штормов, ни дождя и ни мороза. Управлять ею было истинным наслаждением.

Новая «Флора» была сооружена на основе фабричного беспалубного промыслового судна, типа «Дори», построенного в Мурманске. Доводили ее до требуемых кондиций в Лабытнангах. Эта градиозная работа, как и в предыдущем случае, проделана по чертежам, под общим руководством и могучими руками, главным образом, капитана Леонида Филатовича Семерикова, именуемого в дальнейшем Филатычем. Усилить форштевень и киль, нарости борта, настелить палубу, оборудовать две достаточно комфортабельных каюты, водрузить мачты и бушприт..., и еще тысяча отнюдь не мелочей – таков путь превращения, так сказать, мерзкой гусеницы в ослепительную бабочку.

А затеяна была вся эта процедура под эгидой Института экологии растений и животных УрО АН СССР, к тому времени весьма прочно увязшего в экологических проблемах Тюменского Севера. Разумеется, экипаж судна комплектовался исключительно научными работниками, имеющими свои профессиональные интересы в данном регионе. Таким образом, научно-исследовательский флот Академии Наук пополнился еще одной «боевой единицей». «Мал клоп, да вонюч!» – любил напоминать по этому поводу наш капитан. Кстати, однажды в переполненном троллейбусе ко мне привязался какой-то въедливей старикан, несомненно, разглядевший под моей сивой бородой выцветшую тельняшку:

- В каком флоте изволили служить, молодой человек?
- В Карском, отец, в Карском.

— Что-то я не знаю такого флота, — встрепенулся дед.
— Военно-морского флота нет, но научно-исследовательский флот пока еще никто не отменил, — с достоинством пояснил я, а публика облегченно перевела дух...

В разные годы на старой и новой "Флорах" у нас перебывала куча людей, и все они навечно причислены к незримому братству моряков с "парусного парохода", как окрестили нас еще в самом начале кадровые речники. В этот раз на "Флоре" нас должно быть шестеро (оптимальный вариант по количеству спальных мест и распределению по вахтам). На 6-часовую вахту заступают по три человека: с 0.00 до 6.00 и с 12.00 до 18.00 часов — вахта капитана, в трочие часы — моя, т.е. старпома и штурмана. Разумеется, в авральных работах и торжественных мероприятиях принимают участие все члены команды.

На «Зеленой горке» в г. Лабытнанги расположен Салехардский стационар нашего Института. Горка действительно утопает в зелени, но это сделано руками сотрудников стационара. Здесь, как всегда в разгар полевого периода, царит бурное оживление: кто-то приезжает, кто-то уезжает, а теперь сюда зачастили еще и иностранцы, но сейчас в центре общего внимания находятся последние приготовления к дальнему плаванию забытого экипажа «Флоры».

Надо ли говорить, что упомянутые «последние приготовления» заключались в погрузке на борт всевозможных тяжестей и приеме «на грудь» неисчислимого множества банальных, изысканных или фантастических тостов. Кроме всего прочего в эти дни у нас состоялась заранее обусловленная встреча (рандеву) с экипажем «дальнобойной» яхты «Югория» из Нефтеюганска. Эти отчаянные ребята следовали в Архангельск, но зашли в Лабытнанги, чтобы повидаться с нами.

Ну, а где randevu, там и бал, который мы начали на крахмистой «Флоре» (замысловатое словосочетание получилось, не правда ли?) и закончили на изящной «Югории». Дух соперничества неистребим. И я, например, с обостренным вниманием присматривался к усатому молодому богатырю —

штурману «Югории». Думается, что ихний боцман с такой же тоской оценивал внушительные габариты Юрия Михайловича Малафеева – нашего боцмана.

– А капитаны и матросня пусть разбираются сами! – порешили в конце концов штурманы и боцманы, но подозреваю, что и о них в соответствующих кругах принят аналогичный вердикт. Но, если серьезно, то эти ребята, как мы узнали много позднее, вполне благополучно пришли в Архангельск. Правда, перед этим основательно посидев на мели в Шараповых Кошках (западное побережье Ямала) и дважды пеппернувшись при штормах в Бартенцевом море... Честь им и Слава! Кстати, в разгар 2-й мировой войны яхтенные капитаны и штурманы назначались командирами малых военных кораблей без всякой переподготовки...

А тогда нам очень хотелось выступить где-нибудь на рейде Салехарда в товарищеской парусной гонке. Увы, у нас слишком разные функции: с одной стороны, лощеная фабричная гоночная одномачтовая яхта, с другой, – тяжелый, пузатый экспедиционный двухмачтовик, долженствующий обеспечить элементарный комфорт «всем плавающим, страждущим и плененным», но мореходные качества которого мы представляем пока только теоретически. Во всяком случае, зрелище могло быть захватывающим. Однако, в силу многих внешних обстоятельств гонка не состоялась. А моряки из Нефтеюганска напоследок подарили нам портативную радио, которая в дальнейшем очень пригодилась.

27 июля 1990 г. под вспышки ракет, пламя фальшфейеров и напутственные вопли «Флора» вышла наконец из Лабытнангов. По тесной, захламленной и чрезвычайно оживленной протоке уходить можно только дизелем, да к тому же и ветра нет, поэтому покрасоваться под парусами никак не получается. Но и без них голубая с белой надстройкой «Флора» смотрится как экзотический цветок в грязной луже.

Неделю назад, еще на пути от Березово до Салехарда я отметил в своем дневнике колоссальную, задымленность атмосферы; где то бушует грандиозный лесотундровый пожар. А теперь, похоже, мы движемся к эпицентру этой эко-

логической катастрофы. В субарктических широтах и без того маловато кислорода... на реке, впрочем, это обстоятельство и многие прочие неудобства (зной, комары, гнус) переносятся сравнительно легко.

Мимо проплывают давным-давно знакомые ландшафты дельты Оби. Вот слева по борту где-то среди десятков безымянных проток затерялась протока Яшки Мюллера. Кстати, есть случай поговорить о некоторых географических названиях.

Много лет назад наши зоологи обнаружили здесь необыкновенно уловистую и удобную для постановки сетей протоку, а на ее берегу подобрали и выходили аспидно черного вороненка, которого и назвали без особых претензий Яшкой.

– Ну что такое Яшка? – возмутился вдруг кто-то – всех воронов и попугаев зовут Яшками. А нашему Яшке надо дать фамилию!

Идея понравилась, перебрали множество вариантов, а протоку в быту уже называли «У Яшки», как некогда знаменитую пивную в Свердловске. В разгар дебатов началась очередная серия «Семнадцати мгновений весны»... Тогда-то Яшка и был единогласно наречен Мюллером...

Вторым членом моей вахты был московский генетик Лев Анатольевич Животовский. Он уже странствовал с нами на старой «Флоре» по Средней Оби и показал себя бравым моряком. Теперь на нем лежали обязанности вахтенного рулевого. Третьим стал Василий Иванович Юшков – 58-летний сотрудник нашего Института, пожалуй, самый усердный после капитана кораблестроитель, но уж очень «сухопутный» человек. Перед решающим обсуждением его судьбы у меня с ним состоялся сугубо приватный разговор.

– Ты, Василий Иванович, совершенно не приспособленный к морской службе человек, и я буду категорически возражать против твоего назначения в команду. Но если ты поддашься на уговоры и отступишь в этой ситуации, то другого шанса у тебя больше не будет никогда, – такой вот иезуитский совет выдал я нашему великовозрастному юнге.

28 июля в 6.00 пришли в славный порт Салемал на мысе с таким же названием. Отсюда, собственно, и начинается наш «Мангазейский ход». Если бы не дымка, то прямо на севере с высоты поселка можно было бы видеть Мекку многих сотрудников нашего Института – бассейн южноямальской реки Хадыты (Хадытаяхи). В разгар то гнездового, то вегетационного, то нерестового периодов появлялись в здешних водах наши катера «Зоолог» или «Наука»; привозили одних людей, вывозили других. На берегах Хадыты кипела мирная, увлеченная и веселая работа.

Но мало кто знает, что летом 1943 г. в устье Оби ставила мины немецкая подводная лодка «U-639» под командованием капитан-лейтенанта фон Вихмана. Потом она потопила мирное судно «Академик Шокальский», расстреляв из пулемета его тонущий экипаж. Советская подводная лодка «С-101» настигла и потопила пиратов у берегов Новой Земли. Нашей лодкой командовал капитан третьего ранга П. Егоров...

В Салемале у нашего боцмана и суперкарго оказалось множество знакомых, и вскоре после каких-то таинственных и оживленных переговоров мы стали обладателями здоровенного «корягово», как на Оби величают осетра. Нам чрезвычайно повезло: стояла жара, осетр хорошо ловился, но промысловые холодильники были забиты рыбой, а вертолеты за ней не летели, и тогда начальство разрешило публике ловить для себя. А вот хлеба и курева мы достали уже с трудом. Во всяком случае, кухня «Флоры» существенно прибавила в калориях.

Мы колебались: по какому рукаву нам выходить в Обскую губу. При мертвом штиле капитан «Баклана» Роберт Дмитриевич Рогачев решил наши проблемы с исчерпывающей простотой:

– Я прятану вас на буксире до Кутопьюгана. Солярку сэкономите и в меляках не заблудитесь, а мне надо там плашкоут забрать. Таким образом, нам оставалось следовать по Надымской Оби. Так и сделали. А утром наш буксир вместе с плашкоутом ужеочно сидел на мели, мы же благополучно трепескались на якоре. Спасательные работы

затянулись до обеда и в поселок Кутопьюган мы пришли лишь к 15.00.

Под парусами и при свежем северо-восточном ветре 2-го августа в 6.45 миновали входной буй Надымского бара. Именно отсюда ведется счет обстановочных буев на Оби, а у нас начинается морской переход, но мы панически боимся мелей. Обская губа вообще состоит из одних несуразностей и парадоксов. Чего стоит хотя бы лишь то обстоятельство, что при грандиозных размерах ее средняя глубина не превышает восьми метров. Весьма существенное значение имеет ветровой сгон-нагон воды. Волна здесь короткая и крутая, этакая мускулистая... Берег кругом, но к нему не подойти (у «Флоры» осадка 1,5 м). А если на горизонте вдруг покажется остров, то это не мираж, но и остова там нет... Наконец, после некоторых элементарных ухищрений, мы с изумлением установили, что различия в показаниях лесной буссоли и ходового компаса составляют от 2° до 30°, в зависимости от курса.

Первый день плавания по Обской губе вполне убедил нас в абсолютной непотопляемости нашего судна и его прямо-таки фантастической тихоходности. При встречном ветре по генеральному курсу мы продвигались со средней скоростью 6.36 км/час. Все время и силы отнимала непрерывная лавировка. Разумеется, на некоторых галсах скорость приближалась и к 20 км/час. К ночи ветер усилился и сменился на северный, резко похолодало, а в кубрике стало трудно и усидеть на рундуке из-за качки. В полночь, на траверзе мыса Островного, передавая вахту капитану, я нашел возможным позлорадствовать:

— Атмосферическая наружность лишена тельной сугревательности, — и с наслаждением нырнул в постель. Кстати, днем по радио мы легко переговаривались со встречными теплоходами; метеопрогнозы были угрожающими, а напутствия очень теплыми.

В Ямбург пришли в 7.20 3-го августа. С ходу подружились с экипажем теплохода «РТ-704». Старпом с «адыютантом» отправились к начальству порта, а затем проехали в «город». Прочие члены команды, как выяснилось, органи-

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР-Р-Р!

зовали свой досуг более изысканно: помылись в бане на дружественном теплоходе, знатно отобедали и выслушали массу жутких историй о штормах в Обской губе. Вечером и «Флора» принимала гостей... А военные моряки с пограничного катера показались нам какими-то зачуханными. Впрочем, и условия службы здесь далеко не курортные.

Сам по себе Ямбург производит весьма сложное впечатление: чувствуется, что здесь врачаются огромные дежные и технические средства, но время победных реляций в прессе и на радио невозвратно ушло. Тундра нашпигована металлом, аборигены глушат отнюдь не дешевый одеколон, а с плюсовой температурой по-прежнему лишь 60 дней в году.

Еще 31 июля с якорной стоянки у острова Начального мы брали пеленги на столбы дыма пожаров в районе Надымса. По нашим оценкам, пожарами там охвачена площадь 0,5–1,1 млн га. Временами и на Ямбург накатывает оттуда ядовитая пелена.

Заправившись на дружественном теплоходе соляркой, 4 августа в 12.35 ушли из Ямбурга при крайне тревожном прогнозе, но попутном ветре. К вечеру все более усиливающийся зуйд-вест превратился в шторм. А мы пришли в совершенно телячий восторг, когда, экспериментально убедились, что при таком ветре и волнении «Флора» под парусами ведет себя лучше, чем под мотором. Она не зарывается в волну, а этак деликатно переваливается через нее. Да и завывание ветра в снастях все-таки много приятней натужного рокота двигателя.

Около 21 часа видели вдалеке и на встречном курсе военный катер. Волны обдаают его от носа до кормы, перехлестывая через рубку. Помоются сегодня ребята! Мы обращались к ним по радио, но так и не дозвались. Во всяком случае, если они потонут, то мы будем знать, где их искать. А вот нам, похоже, числиться в без вести пропавших...

В 22.00 были на траверзе мыса Круглого. В районе слияния Обской и Тазовской губ царит невообразимая толчея из волн, водоворотов и ветра, казалось, одновременно всех направлений. Судно почти не слушается руля, временами

куда-то проваливается, потом невидимая ладонь его подбрасывает, а затем следуют удары по корпусу...

Однажды на подходе к пос. Сергино на Оби наша старая «Флора» ночью зацепила боком какую-то затерявшуюся на дне железобетонную «детальку» и получила пробоину, длиной более 2-х метров. К счастью, поблизости стоял на приколе буксирный катер. Пока к нему привязывались и успели покидать на него самые необходимые вещи, в рубке нашего корабля уже плавали и тыкались носами в иллюминаторы лишь разноцветные и разнокалиберные тапочки...

И в этот раз нам совершенно некогда трепетать и скучить. Мы работаем! В 23.00 сменили обычный стаксель на штормовой, взяли рифы на гроте и убрали бизань. Теперь хоть небо вались нам на головы! Рулевой капитанской вахты Алексей Лодогас – московский генетик (слабость у нашего капитана к генетикам, каковым он есть и сам) принимает бразды у своего закоченевшего на штурвале шефа (Животовского).

Приняв усиленные «наркомовские» и что-то вяло пожевав, наша вахта уходит в сон, как в пропасть. Сокрушительные удары в борт и дикая качка на меня лично не производят особого впечатления. Нарушения ритма толчков, ударов и кренов – вот что может потревожить сновидения добро-порядочного штурмана. «Музыкальный момент» Рахманинова – вот, пожалуй, гениальный аккомпанемент к событиям именно подобного толка. Надо заметить, что круглосуточную зверскую качку команда переносит с потрясающим достоинством.

Капитаном был ужасный Джон-Кровавое Яйцо. «Словно жопа носорога капитаново лицо» – такова одна из самых безобидных подначек на нашем корабле, так что не приведи Бог угодить под удар «тяжелой артиллерии».

Утро – понятие растяжимое. А мы точно знаем, что 5-го августа после 5.30 на Тазовскую губу резко надвинулась дымовая завеса с юга. В 7.00 стали на якорь на траверзе мыса Наблюдений. Но место здесь открытое, сильно бьет волна, и потому сочли за лучшее идти дальше. Долго шарахались в меляках, обрзозвавшихся, по-видимому, от ве-

трового сгона. В 9.45 пришли к мысу Поворотному. В 12.30 стали на якорь в бухте с красивым названием «Лагуна», напротив весьма оживленного ненецкого стойбища.

Оттуда к нам сразу же устремилась лодочная флотилия. Таким образом обед у нас получился шумный и на очень много персон. Положение обязывает! Кстати, из-за этого пресловутого положения у меня там не состоялась, возможно, самая выгодная в моей жизни коммерческая сделка. Дело в том, что аборигены вдруг воспылали поистине первобытной страстью к моему синему берету с десятиконечной звездой «во лбу».

Берет ведь надо уметь носить, а иначе он будет сидеть, как на корове седло. А для этого надо обозначить его, так сказать, фасад (у кепочки для этого есть козырек). Так вот, снаряжаясь на полевые, я отыскал в заброшенной коллекции детей значок, разумеется, из чистого золота, хотя на обороте, по недоразумению, стоит цена 15 кол. В верхнем полукольце на белом фоне прописано – ОСВОД, в нижнем – по красному – РСФСР, а в центре по синему полю – якорь. Из-за него, собственно, я этот значок и облюбовал, а затем долго тренировался со сдержанной лихостью заламывать берет над правым ухом.

Капитан у нас не склонен ко внешнему лоску, но должен же кто-то на корабле олицетворять флотский шик? Приходится старпому держать марку... И вдруг ненецкие джигиты Иван, Матвей и Сергей вознамерились любой ценой выторговать у нас эту святую реликвию.

– Вон на стене точно такой же берет Василия Ивановича. Забирайте его! А Василию Ивановичу, мы пиратскую косынку соорудим! – взмолился наконец я. Нет, им надо непременно командирский чепчик! Так ни о чем и не договорились..

Следует заметить, что на противоположном от Лагуны берегу Тазовской губы, судя по карте, возвышается маяк Плотникова. Тем более не подобает мне размениваться фамильными принадлежностями туалета... А если серьезно, то известно, что в конце прошлого – начале нынешнего века на Нижней Оби гремел торговый дом «Михаиль Плотниковъ и

Сыновья». Он арендовал многочисленные рыбные промыслы, владел пароходами и рыбоконсервными фабриками. В 1902 г. на международной рыбопромышленной выставке в Петербурге он был награжден золотой медалью за высокое качество консервов... Разъясняю, что никакого отношения к этому славному роду негоциантов я не имею. Мои крестьянские предки произошли из села Уэтского Талицкого района Свердловской области, основанного в XVII в. новгородскими стрельцами. Кстати, и у меня там есть «фамильная недвижимость», но ею владеют чужие люди чуть ли не из Прибалтики. Все смешалось в торговом доме «Россия»!

6 и 7 августа вслепую блуждали среди меляков. Дымка такова, что Солнце в зените можно обозревать простым глазом. Воспользовавшись этим обстоятельством, зарисовали расположение солнечных пятен в «Судовой журнал» и свои дневники. Полная невозможность определиться в нашем местонахождении весьма удручет вахтенных начальников: того и гляди влепишься в какую-нибудь «бяку» покрепче корпуса нашего судна. Да и с мели не так просто выкарабкаться. Где-то в дыму работает земснаряд «Явай», а поскольку мы крутимся почти на одном месте, то кажется, что он повсюду вокруг нас.

В 20.10 восьмого августа обнаружили себя около буя № 15 и бросили якорь. В 23.40 прицепились на буксир к тюменскому сухогрузу «Вах» с весьма пожилым и очень симпатичным капитаном. За ночь он без особых проблем доставил нас к устью Пура и ушел по нему на юг.

Пур, как и положено, впадает в Тазовскую губу несколькими рукавами. Сопоставление «братьских» рек Таза и Пура вообще располагает ко многим размышлениям. Север Западной Сибири, как известно, по своему физико-географическому «устройству» чрезвычайно приближается к так называемому «идеальному континенту», т. е. фундаментальные природные закономерности проявляются здесь в наиболее отчетливом виде. Например, полноводность реки прямо пропорциональна площади ее водосбора. И действительно, бассейн р. Таз в 1.477 раза больше бассейна Пура. И среднегодовой расход воды в устье Таза в 1.476

раза больше. И дело здесь не в технике расчета. Так, например, Северная Сосьва имеет практически такой же по величине водосбор, как и Пур, а расход воды в ней почти в 1.6 раза меньше. Вот что значит, находиться в разных частях обширнейшего «идеального континента»! Климат, рельеф, растительный покров и многие прочие обстоятельства каждое по-своему влияют на конкретные ситуации, почти не оставляя места случайностям.

За ночь атмосфера достаточно проветрилась, стали видны буи, обозначающие судовой ход. К 11.30 без приключений пришли в пос. Тазовский, широко раскинувшийся на высоком левом берегу. Ни топокарт, ни лоций у нас на дальнейший путь нет, так что ориентироваться будем по карте Тюменской области, масштаба 1:2 500 000. А по нашему приемничку отлично слышим радио Дудинки.

В Тазовском почти всем составом совершили обстоятельную экскурсию. Увы, былая слава заполярных торговых точек, видимо, навсегда канула в проклятое застойное прошлое. Однако, задешево купили капитану красный вымпел с идеологически выдержанной символикой.

– Вы, ребята, хоть за Полярный круг загляните! – напутствует нас кто-то из речников в порту. И мы сначала недоумеваем. Потом приходит соображение, что мы действительно приближаемся к Полярному кругу, но только с севера.

К вечеру поднялись на несколько километров выше пос. Газсале и стали на ночлег. По-видимому, в связи с необычайно сухой жаркой погодой вода в реке местами затянута какой-то мерзкой бурой пленкой и бурно «цветет». Обстановка напоминает нечто вроде замора.

9 августа в конце дня мы были уже примерно в 160 км от устья Таза. Днем на встречном катере заправились со-лянкой и ценностями советами. За ужином употребили ведро свежей рыбы, полученной на одном из «песков» от аборигенов. Они же и подняли нас еще затемно на следующее утро, страдая великой российской хворью...

Итак, 10 августа 1990 г. в 20.00 мы причалили к мысу при впадении в Таз крохотной речушки Мангазейки. Мы

свободно могли бы пролететь и мимо, если бы не схемка, еще в Свердловске любезно накорябанная Степаном Григорьевичем Шиятовым – большим знатоком истории Мангазеи. Тогда же он нас предупредил, что примерно половина территории бывшей Мангазеи размыта и снесена рекой.

Архангельские поморы Д.А. Буторин и Б.Т. Воробьев («Мангазейский ход». – М.: Молодая гвардия, 1970, 176 с.) на боте «Щелья» побывали здесь во второй половине августа 1967 г. Если считать, что река размывает коренной берег со средней скоростью лишь 1,0 м/год (а тундровые и лесотундровые реки вообще-то работают «покруче»), то и тогда оказывается, что «Флора» пристала в 25-ти метрах вглубь материка от стоянки «Щельи» (а причалить удобно больше здесь негде). Действительно, на небольшом кургане перед нами торчат несколько столбов, а так все чисто, ровно и благообразно.

С.Г. Шиятов, как дендрохронолог, в молодости уточнял здесь дату сооружения Мангазеи. Но мы для простоты примем за нее 1600-й год. Впрочем, есть сведения (Середонин, 1914; Бахрушин, 1922), что Мангазея была заложена на месте уже существовавшего до этого русского городка. Во всяком случае, в книге Буторина и Воробьева есть множество достоверных исторических данных о печальной судьбе Мангазеи: к ней и отсылаю заинтересованных читателей. В нашем контексте уместно подчеркнуть, что в ликвидации этого крупного торгового центра на Севере огромную роль играли внешнеполитические мотивы. Экономически слабое Московское государство никаким другим способом не могло противостоять мощной экспансии сюда великих морских держав, прежде всего Англии и Голландии. Последний гарнизон из Мангазеи был выведен в 1672 г.

11 августа в лиственничнике на месте Мангазеи мы заложили лесоводственно-генетическую пробную площадь, а вечером дотемна ползали по берегу, выколупывая из песка сердолики и агаты. К числу редких находок можно отнести несколько бусин, несколько кованых четырехгранных гвоздей, кусочек янтаря и литую казачью пушку. Южный ветер опять нагнал сюда тумана и дымки, а ночью, пожалуй, впер-

вые выпала роса. Шумит лес на месте городка, поскрипывают снасти корабля, а в голове громоздятся всякие нехорошие мысли.

Утром, едва рассвело, все опять ковырялись в песке на бичевнике. Шиятову здесь попадались даже мелкие как рыбья чешуя монетки. Но тот берег, по которому он ступал, теперь уже далеко в воде.

Чуть выше нас по реке из-за поворота вылетел танкер и буквально у нас на глазах засел на мель.

– Широк Таз, да узок лаз! – философски заметил по этому поводу Животовский. На помощь 713-му танкеру пришел братский 715-й, но провозились они часа два. А мы совсем было навострились в Сидоровск, но тут на нас коршуном упал с неба вертолет. Оказались тюменские телевизионщики. Каким же бойким местом была Мангазея почти 400 лет назад, если даже сейчас здесь толкуются одновременно два танкера, вертолет и парусник!? Капитану «Флоры» пришлось дать короткое интервью, а прочая шушера в это время принимала изящные позы...

В Сидоровске мы все-таки побывали, но лучше бы этого не делать.

Крупный русский негоциант Михаил Константинович Сидоров (1823–1887) не строил себе виллы на Кипре и не покупал пятиэтажки в Вашингтоне. Все свое чудовищное состояние (около 2.0 миллионов полновесных рублей, перед которыми доллар казался детской погремушкой) он употребил главным образом на изыскание удобных морских путей к устьям великих сибирских рек. Трудно перечислить арктические экспедиции, которые он снарядил, и премии, которые учредил... Благодарная Россия отплатила ему с истинно русской широтой... Впрочем, лучше сами побывайте в славном поселке Сидоровске.

12 августа в 16.00 пустились в обратный путь. На скорости прошли Мангазею. В 20.05 в тумане пристали к правому берегу на отметке 255 км от устья. Успели пошарить на косе, опять нашли агаты и сердолики; почти готовые бусины, только дырки в них пробить. Предполагаю, что их занесло сюда с Таймыра.

Утром все ушли закладывать новую пробную площадь, а я прибрался на судне и устроил небольшую стирку. Пользуясь моей беспечностью, свеженький норд-вест мигом сорвал с леера и утопил мою любимую мачечку. Боже мой, сколько всевозможных ценных предметов поотнимали у нас коварные реки! Бывают эпизоды, которые можно было бы показывать в кино.

Вспоминается, например, как на Ямале в верховьях уже упоминавшейся Хадытаяхи в сентябре 1981 г. мы втроем (будущий капитан «Флоры», Сергей Янкин и я) возились с напрочь отказавшим лодочным мотором. Наконец мотор запустился, да так, что пошел «вразнос». Тут надо немедленно остановить движок или хотя бы сбросить обороты, но ни то ни другое почему-то не получалось. Теряя драгоценные секунды, мы ошеломленно таращились на 30 взбесившихся лошадиных сил. Между тем, слабо затянутая гайка маховика улетела в неизвестном направлении (хорошо, что никому не пробила череп), а маховик начал этак величаво приподыматься на своей оси. Янкин успел сорвать с мотора бензиновый шланг, а затем без долгих размышлений мы разом пустились, как отец Федор от Остапа Ибрагимовича, карабкаться вверх по береговому откосу. Маховик, добился-таки своего, описал замысловатую траекторию и булькнул в воду..

После обеда спустились до 193-го километра от устья и заложили еще одну пробу в роскошном лиственничнике на песчаной гряде, образовавшейся в процессе вековых перемещений русла Таза. Здесь все, как на Хадытаяхе, только в несколько раз крупней, хотя сейчас мы практически на той же широте. Тепловой сток рек – вот сила, которая создает цветущие лесные оазисы в тундре и лесотундре. А Хадытаяха и Таз – механизмы в этом плане несопоставимые.

14 августа в 21.30 прошли в Газсале. Успели заправиться топливом для мотора, как всегда, «на халюву», а погода явно готовит нам какую-то пакость. Во всяком случае, атмосферными осадками мы уже обеспечены. Но как сладко спится под шорох дождя где-нибудь в ямке под развесистым кедром, в не очень дырявой палатке или в рас propane-

бытой охотничьей избушке! Обитателям «люксов» в пятизвездочных отелях такое наслаждение и не снится. Так что, каждому свое...

Утром усиленным составом совершили десант в поселок. В безлюдном промтоварном магазине вальяжная кассир-продавщица встрепенулась:

– Вы, ребята, наверное, с парусника?

– Перед такой железной проницательностью, мадам, мы не посмеем утверждать, что прибыли на летающей тарелке, – галантно расшаркались мы. О, женщины, кто из вас устоит перед ослепительным флотским обаянием профессора Животовского!

– Так, кто же из Вас капитан? – Женщина на глазах ожидала от зябкого оцепенения и расцветала. Заинтересовавшись этим феноменом, я удвоил рассеянность, с которой разглядывал витрины. Животовский опасливо на меня покосился и решил не рисковать.

– Видите ли, капитан у нас очень свирепый, замордовал нас совсем, и в данный момент ждет нас на корабле. Он и отпустил-то нас на берег, чтобы купить ему трусы.

– ?!?!?

– Горят они на нем, как на костре. Такой уж темперамент... Можно вот эти, с героической символикой (белые звезды на красном фоне)? Очень мило! Будьте любезны, 56-й размер!

– Так он что, совсем, на берегу не бывает? – и пышная грудь под небрежно наброшенном манто бурно заколыхалась.

– Что Вы, мадам! Я же говорю – зверь! Но мы попытаемся заманить его сюда... Скажем, что в универмаге проходят какие-то особенные... якоря. А там уж сами с ним разбираетесь.

Надо заметить, что на берегу не были как раз капитан с Василием Ивановичем. Естественно, что за обедом на «Флоре» посвященные в заговор всячески уговаривали именно Василия Ивановича побывать в полюбившемся нам универмаге. Более того, несмотря на дождь все были готовы сопровождать его. Увы, подвох был слишком очевиден, и

зверь-капитан погнал нас – дальше из этого переполненно-го соблазнами порта. На берегу нас провожали несколько угрюмых псов, знакомых с широкой натурой нашего боцмана и объедками с нашего стола.

А память уже высвечивает, как в 1976 г, в Туруханске дюжина таких же друзей и ревностных подражателей человека поджидала редких посетителей аэропортской столо-вой. Каждый из последних, выходя на крыльце, кидал со-бакам что-нибудь вкусненькое, и начиналась ожесточенная грызня. Когда наступил мой черед поближе познакомиться с ватагой псов, я предусмотрительно прихватил салфет-кой пару оладий со сметаной. Свора в ожидании угощения дружно завиляла хвостами. Вся расстановка кадров здесь как на ладони: вот наглый пахан, вон скромные шестерки, а там, в отдалении, без всяких надежд на удачу горбится задрипанная сучонка. Но именно к ней-то и оказался благо-склонным не надежный, но щедрый случай. С немалым тру-дом разогнав недовольных фаворитов, я отозвал, в сторон-ку ошалевшую собачонку и разложил перед ней свои дары. Полагаю, что в ее многогрешной жизни это был единствен-ный эпизод, когда она осознала себя настоящей леди. Во всяком случае, она наградила меня таким взглядом, перед которым стушевалась бы и сама Софи Лорен...

Вечером 15 августа вышли в Тазовскую губу и стали на якорь.

В 23.20 пристроились в кильватер попутному судну. Те-перь у нас новая тактика. Мы по-прежнему панически бо-имся меляков, а редкие обстановочные буи не для нас. Мы их попросту не видим. А вот судно видим, даже ночью. Так и чешем за ним, пока оно не скроется за горизонтом. А там, глядишь, и еще какой-нибудь ориентир Бог пошлет!

В знакомую бухту «Лагуна» пришли при норд-норд-восте 15-20 м/сек и сильной качке. Население стойбища от мала до велика благоухает дешевым одеколоном и пре-бывает в блаженном опьянении; какой-то теплоход осущес-тил здесь накануне крайне выгодный бартер. А нам при-шлось наводить порядок в их заброшенном рыболовецком хозяйстве.

17 августа, перед тяжелым переходом, отстаивались, отсыпались и отъедались свежей рыбой в Лагуне. Северный ветер крепчает. Днем пролетала снежная крупа. Жадно ловим скучные новости из внешнего мира. У нас на борту есть свои большевики, кадеты, эсеры и анархисты... Но только до чего же примитивна эта схема! Как можно запихнуть в нее живого человека? У меня некогда именно для таких случаев заготовлена, можно сказать, универсальная формула (особо рекомендуется политикам):

Вариант 1 – «Мы – шатены (особливо лысые), взяли все лучшее от брюнетов и блондинов».

Вариант 2 – «Мы – баритоны, взяли все лучшее от басов и теноров».

Далее по списку партий, христианских добродетелей и т.п.

18 августа в 6.30 ушли из Лагуны, наслаждаясь нашим излюбленным крутым бейдевиндом. Для непосвященных поясню, что парусник при этом идет под острым углом против ветра. Не ахти какая скорость, но весьма впечатляет! Хрупкие предметы в каюте начинают самостоятельную жизнь. Но она, как правило, скоротечна и кончается плачевно. Камбуз у нас оборудован по высшему разряду, т. е. чайник с кипятком и кастрюля с борщом неподвижны при любых толчках и кренах.

Рулевого мы все чаще одеваем в прорезиненный скафандр, из которого торчат лишь глаза да сигарета. К тому же он до пояса закрыт от волн и ветра палубными надстройками. К тому же двумя руками цепляется за штурвал. Заелись они, эти рулевые!

А бедный вахтенный начальник, как распятый Христос, одной ногой упирается в крышу рубки, другой скользит по слабо натянутому лееру, одной рукой обнимает ванты, а другой этак сурово и задумчиво подносит к носу (неплохой каламбурчик?) весистый бинокль. Естественно, что вскоре ему требуется уточнить свое местонахождение, для чего он ныряет в рубку по крутыму и скользкому трапу. После внушительной дозы спирта, сдобренного сахаром и кипятком, он снова готов к превратностям судовождения. И надо заметить, что никто из нас ни разу не чихнул, хотя обстоя-

тельства к этому весьма располагали. Это уже потом, дома, можно расслабиться и пристали в Ямбурге на старом месте. За наше отсутствие вода здесь прибыла на 60-70 см. Это исключительно ветровой нагон воды. При длительных и сильных северных ветрах вода буквально переполняет Обскую губу. А в ямальских реках течение останавливается или даже идет вспять. Любопытно, как при этом ведет себя рыба? При южных ветрах картина противоположная. А все это в целом весьма усложняет навигационную обстановку, особенно для малых судов. Можно, например, свободно войти в какую-нибудь реку, а затем надолго в ней обсохнуть. Вот почему нужно быть очень внимательным к прогнозам синоптиков.

У теплохода класса «ОТА» заправились соляркой, получили почту и уже в 12.50 пошли дальше. Капитан вдруг сильно заспешил в Лабытнанги. Оказывается, его там поджидает научный коллега из Дании. В трюме все чаще приходится поработать ручной помпой, а в кубрике донимает неустранимый конденсат. Идем против течения и при боковом ветре, но упрямо топорщающимися парусами.

Пройдя мыс Островной и предвкушая скорое окончание вахты, мы с Животовским развлекались милой светской беседой, да так, что я к своему несмыываемому позору совершенно утратил контроль за ситуацией. Рулевой ведь что? Ему скажешь курс, и он будет лепить корабль хоть в скалу, пока не последует новая команда. Начальству видней! И курс у нас по счислению очень даже правильный, но течение и ветер ведут свою игру...

Так и случилось, что на траверзе мертвого поселка Сядэйхарвута с геодезическим знаком, киль «Флоры» начал этак чувствительно цепляться за дно.

Меляк! Я должен был его заметить хотя бы по характеру волн. На палубу вылетел разъяренный капитан, я за ним и прочие члены команды. Аврал!!! Быстро сдернули паруса, запустили дизель, прощупывая дно багром, тихим ходом ушли с этого проклятого места. Всего-то 3-4 минут длился этот эпизод, а сколько понаделал: команда запыха-

лась; работы с помпой, возможно, прибавится; авторитет старпома подорван...

А вообще, именно такие моменты и западают глубже всего в память. Когда же таких эпизодов набирается достаточно много, становится очевидным, что успехи и неудачи выпадают нам по законам высшей справедливости, т. е. в равном соотношении. Другое дело, что мелкий успех может обернуться крупной неудачей и наоборот, но в этом уж каждый ориентируется по своей, так сказать, индивидуальной шкале ценностей.

После аврала капитан отстранил нас от вахты, не дождаясь ее официального окончания:

– Давай, Леша, рули. Они ни черта не видят в темноте!

Ворча, как побитые псы, мы удалились на свои лежанки, не реагируя на приглашения к ужину.

– Эй, мужики, пора на вахту! –казалось, через каких-нибудь пол-часа бодро заорал капитан.

– Мы разжалованы! – нахально закочевряжились мы, но, присмотревшись к продрогшему на «собачьей» вахте капитану, со стенаниями выползли из теплых мешков.

– Где имеем место быть?

– Примерно, здесь, – и громадная пятерня капитана прихлопнула на карте акваторию размером с небольшое европейское государство.

– Ясненько! Давай, Лев, рули. Ни черта они не смыслят в географии!

Разумеется, мы еще из спальных мешков учудали, что на палубе не так уютно как было вчера. Действительность превзошла наши ожидания. Описывать ее бесполезно. Обская губа напоследок решила продемонстрировать нам все свои фокусы. А их у нее немало. Нам же хочется, как нитке в ушко иглы, угадать к входному бую Надымского бара. А иначе мы рискуем в буквальном смысле погрязнуть среди меляков, ограждающих дельту Оби.

Штормовой встречный ветер с дождем и зарядами снега явно не украшают весь интерьер. Волны, на которые надо карабкаться, а от некоторых из них предпочтительней увер-

нуться, чтобы не схлопотать в физиономию ведро воды. Ка-
ково было ночью Филатычу с Алексеем!

Таращиться в стрелку компаса нет особого смысла, потому что мы идем мелкими зигзагами, а течение и ве-
тер сбивают нас, куда им вздумается. Выход прост, как все
гениальное.

– Видишь слева над линией горизонта черную тучу в
виде толстой кишki с аппендицом?

– Вижу, вижу аппендиц!

– Вот и держи пока прямо на его основание!

Минут через 20-30 надо придумывать новый «флинт
ушами». Появление на горизонте какого-нибудь теплохода
порождает массу возможностей откорректировать курс.

Становясь к штурвалу, чтобы дать рулевому отдохнуть
и перекусить, непременно вспоминаю нашу добрую старую
«Флору». Там не было штурвала, а был румпель, т. е. брус,
жестко соединенный с пером руля. Так вот, с этой честной
и благородной счастью можно было творить чудеса! До сих
пор меня прожигает восторгом, когда я представляю себе
с десяток виртуознейших маневров, которые позволял про-
делять румпель. А у штурвала есть внушительный запас
холостого хода, отчего судно становится неповоротливым;
силы инерции лишают рулевого всякой инициативы, он
должен под них подстраиваться. Короче говоря, достаточно
сравнить аквалангиста с водолазом в тяжелом скафандре...
Сколько же крови испортил я капитану подобными рассу-
ждениями, тем более, что он не мог не разделять моей то-
ски по нашему бравому первенцу?

Сдав последнюю морскую вахту, мы с Животовским
еще с полчаса ошивались на палубе, пока более молодые
глаза не разглядели прямо по курсу (!) вожделенный вход-
ной буй Надымского бара. Капитан объявил нам благодар-
ность за качество судовождения в экстремальных условиях.
Тогда мы с достоинством приступили к обеду...

Итак, 20 августа в 13.00 «Флора» оказалась у входа в
дельту Оби. Есть проблемы, местоположение которых в
системе знаний таковы, что их невозможно решить уси-
лиями какой-либо отдельной научной дисциплины. Струк-

турно-функциональная организация, динамика и эволюция северных рек – предмет именно упомянутого порядка. В. И. Вернадский называл поймы рек «областями сгущения жизни». Но дельты рек даже на этом фоне поражают своим биологическим изобилием. Вот и сейчас над нами во всех направлениях проносятся неисчислимые табуны уток... В большинстве случаев именно к дельтам некогда могучих палеорек приурочены основные месторождения нефти и газа... В дельтах рек зарождались и процветали грандиозные цивилизации... Наконец, именно в дельтах рек оседает подавляющая часть дерьма, производимого человечеством на континентах... Рано или поздно открываются возможности широкого использования материалов аэрокосмической фотосъемки обширных труднодоступных территорий при решении задач глобальной и региональной экологии. Но для этого помимо многоного прочего потребуются навыки дешифрования фотоизображений, а также достаточно ясные представления о природе самых разнообразных ландшафтов. Вот почему я не жалею времени на авантюры и похлеще нынешнего плавания.

А утки над нашими головами буквально просятся в котел, но нам не до них. Похоже, как раз в эти дни должно состояться открытие охоты. Во всяком случае, приткнувшись к берегу там и сям катера никак не располагают к догадкам, что на них прибыли вегетарианцы. В нашей кухне первое место прочно занимает малосольная рыба. Скажи любому посвященному «Малосол!», и он тотчас начнет закатывать глаза, щелкать зубами и плотоядно облизываться. По нашим мерам, под малосолом подразумевается лишь рыба, посоленная не более нескольких часов назад. Впрочем, стерлядку, например, приятно употребить и в совершенно свежем виде. То-то поморщился бы выдающиеся гурман В. А. Гиляровский!

В Салемале нам следовало позаботиться о наглядных пособиях по курсу рыбной кулинарии для своих близких. Подозреваю, что в поэтическом воображении Животовского заранее рифмовались к примеру такие строки: «В Салемале сала мало... Лопай рыбу, Пенелопа!»

Юрий Михайлович отлично справился с задачей, и мы резво принялись пороть, потрошить и солить золотистых щекуров. Если над катером с дикими воплями тучей носятся чайки, знайте, что там потрошат рыбу. А наше судно экологически чистое, поэтому то, что Юрий Михайлович нежно называет «потрошками», уютно шквирчт на огромной сковороде. Трепеци, Гиляровский!

Предаваясь гастрономическим излишествам, я все чаще задумываюсь над вопросом, как вознаградить благородную северную рыбу за ее отменные вкусовые качества и за все беды, которые выпадают на ее долю. Получается этакая «Сказка о рыбаке и рыбке» наоборот: «Чего тебе надоено, рыбка?» На этой почве у меня возникла совершенно фантастическая идея, суть которой состоит в следующем.

Многим известно, какой огромный вред приносят некогда зимние, а теперь уже ставшие осенне-зимне-весенними «заморы» в северных водоемах. Это естественное природное явление связано с дефицитом растворенного в воде кислорода и существенно усугубляется техногенными загрязнениями воды. Между тем, еще в начале 80-х годов появилось сообщение, что американские исследователи в Антарктиде обнаружили некие розово-оранжевые водоросли, произрастающие под 3-метровым слоем льда и такой же толщиной воды, образуя сплошной ковер, толщиной 2-4 см. Освещенность там в 1000 раз меньше, чем на поверхности, но вода буквально кипит от выделяемого водорослями кислорода.

Вот я и думаю, а нельзя ли «засеять» заморные или вообще безжизненные водоемы нашего Севера спорами подобного рода водорослей? Чем не решение даже глобальной проблемы дефицита кислорода?

Разумеется, в этом направлении требуются обширные лабораторные и натурные экспериментальные исследования, но для того и существует наука. Нахваливать идею – малопочченное занятие. Но все-таки:

Нет! Не Боги, а грешные люди горшки обжигают,
Но сладко, должно быть, и Богу выпечь крепкий горшок!

В таких размышлениях 21 августа в 18.00 я принял свою последнюю в этой навигации вахту от капитана, слегка поспорив с ним по поводу нашего местонахождения. Наш проход на меляке в Обской губе все еще дает себя знать, и я требую от своей бригады неукснительного и слепого покаяния. Во всяком случае, Василий Иванович постоянно держит наготове крутой кипяток и прочие ингредиенты известного читающей публике шкиперского напитка.

Первым делом я разобрался, что капитан все-таки нас дезориентировал (Ха-ха!), как всегда, переоценив скоростные качества нашего судна. Как хорошо, когда на корабле есть хоть один порядочный штурман! Потом я наскоро освежил в памяти правила ночного судовождения на реках. Теперь можно довериться редким разноцветным огонькам в разных частях невидимого горизонта. Тут не надо колдовать с циркулем и линейкой: читай огни, опознавайся по лоции да не забывай раскланиваться со встречными судами неоновой вспышкой...

Если сложить в одну кучу все наши парусные маршруты последних лет (от пос. Гари Свердловской области на р. Сосьве до Сидоровска на Тазе, с заходами в реки Пелым, Конду, Среднюю Обь, Северную Сосьву и т. д.), то вырисовывается довольно-таки внушительная картина. Десятки серьезных научных публикаций по результатам этих исследований за нами, как говорится, не заржавеют. Но есть один результат, который никогда не будет отражен в сухих строках научных сообщений.

Дело в том, что все эти годы нас как бы раскачивало и швыряло на волнах... времени. Да, да, мы именно купались в волнах времени! И это не метафора, а довольно точное определение.

Действительно, вот мы пришли, например, к устью р. Пелым в бассейне Тавды. Здесь в 1593 г. был отстроен город Пелым (на месте сожженного старого городка!). Сейчас здесь ются три-четыре десятка расконвоированных зэков из ближайшей колонии да несколько столь же одичавших охранников (это 1984 год)... В 400-летнюю годовщину гибели Ермака, под парусами и подбоченясь, приближа-

емся к славному городу Тобольску; загорающие на пляже аборигены встречают нас не стрелами, а бурным ликованием... Дальше Ханты-Мансийск, Сургут, Березово, Салехард, Мангазея... В районе последней мы брали буровые образцы древесины лиственниц, и надо полагать, что некоторые из них еще застали пышный расцвет Мангазеи. Блуждая в тумане среди меляков Тазовской губы, далеко ли мы были от первых сибирских землепроходцев? Но краткий сеанс радиосвязи с невидимым танкером небрежно бросает нас обратно в XX-й век...

Как видим, здесь смешались пространства и эпохи. На этой почве в нашем сознании происходит некое раздвоение. Такое ощущение, вероятно, хорошо знакомо, например, историкам или археологам, но для нас оно было новым.

Вот и сейчас, справа (так и хочется сказать «кодесную») по курсу виднеется красный огонек, а под ногами рокочет дизель – это приметы нашего века. Но слева («ошую») громоздится черная стена материка, о жизни которого мы и до сих пор имеем весьма поверхностное представление, хотя он пробуравлен сотнями тысяч скважин.

Короче говоря, мы как-то физиологически прониклись пониманием региональных проблем 400-летней давности, и, оказалось, что они нисколько не устарели. В шутливом призывае «Возьмем Березово, так Москва сама сдастся!» намешано столько иронии, горечи и зубовного скрежета, что в его психологическую подоплеку лучше не соваться...

За этими неповоротливыми размышлениями я прихватил полтора часа «собачьей» капитановой вахты. Можно было бы и дальше командовать, да кто-то из них спохватился: «Проспали!» Не вдаваясь в изощренные издевательства, мы объяснили засоням, что белый огонек на горизонте соответствует бую за номером таким-то:

– Это вы нас то и дело дезориентируете, а мы вам даем точные привязки! Смотрите, не заблудитесь!

И капитан вдоволь натешил наше чуткое самолюбие, когда не поленился обойти вокруг буя и осветить его номер фонариком...

22 августа в 6.15 «Флора» пришвартовалась в Лабытнангах к дружественному борту «Зоолога».

*Под замком бежит и клубится Дунай,
Бегут облака полосою;
Уж кончено дело, зарезан стариk,
Амвросий пирует с толпою.
В кровавые воды глядится луна,
С Амвросием пирует злодейка-жена.*

Эти леденящие строки А.К. Толстого (1817-1875) любил вспоминать незабвенный Н.В. Тимофеев-Ресовский (1900-1981), подводя черту под каким-либо делом и потирая руки. Старичка, конечно, порешили не мы, но насчет попировать были вполне солидарны с Амвросием.

Директор Салехардского стационара Валерий Михайлович Шишмарев относился к нашим житейским проблемам с большим пониманием, и за нами на «Зеленой горке» было постоянно закреплено соответствующее помещение. А любители сладкого сна могли обитать и на «Флоре».

Филатыч сразу же кинулся искать своего датского коллегу, с которым пока занимались Маргарита Александровна Магомедова и переводчик Александр Петрович Дьяченко (тоже наш человек). А судьба уже готовила капитану под занавес поистине, королевский подарок.

Не знаю уж, где и как они встретились, но датчанин пожелал, во-первых, прокатиться на «Флоре» и, во-вторых, пообедать или поужинать в ресторане столицы округа.

– Что касается прогулки под парусами, то тут все в наших руках. А насчет ресторации пришлось вести долгие телефонные переговоры с Салехардом: идиотский «сухой закон» свирепствовал вовсю, но в конце концов победила все-таки дружба народов.

Итак, капитан со своей вахтой, заморский гость, Магомедова и переводчик отбыли в Салехард. Там, как нам потом рассказывали, произошел совершенно невероятный эпизод.

Четверо наших (Филатыч, датчанин, Магомедова и Дьяченко) сидят себе за столиком, выпивают, закусывают и

мирно беседуют. Но что такое беседа под оглушительную музыку на русско-английской смеси языков и на морские темы? А неподалеку за большим столом компания флотских шумно отмечает юбилей какого-то капитана. И вот, в разгар веселья распаленный юбиляр подходит к нашему столику:

– Вы, конечно, извините, но мне послышалось, что вы о яхтах, парусах и штормах толкуете. Только ерунда все это! Вот я видел моряков... Это да! Шторм! Волны! Нас болтает!! А они под парусами шуррут против ветра! Я с ними побазарил по радио... Корабль у них называется «Флора»... В Обской губе было дело...

Наши приходят в неописуемое оживление. В три голоса переводят датчанину пламенную речь оратора и чуть ли не кувыркаются от хохота. Юбиляр багровеет и начинает поддергивать рукава. Его друзья приподымаются в креслах... Музыка смолкает. Официанты сбиваются в стадо пугливых овец...

И тут встает Филатыч! Продолжая смеяться, он протягивает руку разобуженному донельзя юбиляру.

– Капитан «Флоры». Поздравляю с юбилеем!

Громовой хохот сотрясает стены зала. Ситуация разряжается столь чудесным образом, что пирушка принимает поистине штормовой размах. Начинается братание. «Флора» на всех парусах уходит в легенду. Кто не позавидует Филатычу?

На следующий день экипаж «Флоры» и примкнувшие к нему граждане собрались на квартире у Юрия Михайловича Малафеева. Завтра наши пути на какое-то время расходятся. Полевой период в самом разгаре, а «бархатный сезон» есть и за Полярным кругом.

Женщины, как всегда, совершили невероятное, обеспечив прожорливую нашу ораву доброкачественным корнем. Наши пополновения ограничились разбавлением в должной пропорции спирта, подкрашиванием раствора сочком брусники и квалифицированной дегустацией продукта на разных стадиях его приготовления.

В центре общего внимания, разумеется, был молочно-розовый соотечественник Гамлета. Полагаю, что посланец

благополучной Дании не нашел в нас пресловутого комплекса неполноценности и преклонения перед Западом, как никогда не найдет его и в любом кондовом сибирском мужике, независимо от разреза глаз. Нам встречались десятки таких крепышей, живущих просто, красиво и весело, казалось бы, в самых неподходящих экологических условиях. Кстати, на наших российских арктических северах плотность населения в 11 раз выше, чем в соответствующих широтах зарубежья...

Пытаться увидеть русский Север глазами иноземца – значит задать кучу вопросов прежде всего самому себе. В 1972 г. я впервые приехал в Лабытнанги, по приглашению Вячеслава Федоровича Сосина, просто в очередной отпуск, да еще и с женой. Вот и спрашивается, что здесь такого, чтобы затмить Сочи или Ялту?

А за стеной, буквально в сотне метров от места нашей шумной международной пирушки одиноко томится первая «Флора». Мы продали ее местному любителю, по кличке Политура, но он что-то не спешит спускать яхту на воду. Дело, как говорится, житейское, но мы почему-то чувствуем себя предателями. Изощренная демагогия найдет десятки оправданий... Скажу одно: много ли мы скулим о штанишках, из которых выросли? Новые маршруты – вот средство от меланхолии...

Эту маленькую повесть или большой рассказ я писал осенью 1998 года, и мне было чрезвычайно трудно удержаться в рамках именно той эпохи, в которой происходят действия. Кто тогда мог знать, что ровно через год рухнет Советский Союз, в ход пойдут сотни новых понятий, и о многих вещах можно будет говорить что угодно? Положение спасает полевой дневник, а то ведь «ради красного словца не пожалеешь и отца».

На «Флоре» я побывал последний раз в 1994 г. на Нижнем Иртыше и Средней Оби. Героем той навигации несомненно был ненецкий красавец-пес Ермолай. О его подвигах можно было бы рассказывать часами.

На 1995 г. мы твердо планировали поход к устью Енисея, но 22 февраля Леонид Филатович умер от сердечного приступа, не дожив и до 56 лет.

«Дубовая диссертация: не может быть липовой» – пошутил Гавриил Егорович Комин после докторской защиты Леонида Филатовича. Действительно, генетика и экология дубов были основным предметом его стартовых научных исследований. Но сколько было всего до того и после! Он и сам был, как дуб, кряжистый, надежный и, казалось, долговечный. Увы! Похоронили его неподалеку от аэропорта Кольцово, рядом с отцом. Почти неумолчный рев реактивных двигателей – вот, пожалуй, лучшая для него эпитафия. И напутствие нам, живым.

Сентябрь-октябрь 1998, г. Миасс.

СЛУЧАЙ НЕНАДЕЖЕН, НО ЩЕДР

– *Были у меня друзья среди собак!* – двумя этими краткими и мощными фразами я добрым десяток лет гипнотизировал не только всех окружающих, но и себя самого, снаряжаясь написать заключительную часть документально-повествовательной трилогии под общим заголовком, например, «Таежные моряки». Первая повесть, под названием «На фоне больших кораблей», была написана даже Бог не знает когда, а опубликована в 1993 г. в новорожденном и еще хиленьком журнале «Югра» (№№ 7-12).

Вторая – «Еще не вечер-р-р?» – лежит себе в портфеле автора и ждет своего часа. Третья – вот она!

Просто объяснить, что заставляет профессиональных исследователей снова и вновь ударяться в художественный и тем более поэтический жанр. Академик И.В. Петрянов-Соколов, некогда председатель Всесоюзного Общества «Знание», в свое время заметил: «Если специальная научная литература является золотоносной рудой, то научно-популярная продукция – это чистое золото». Развивая эту мысль, можно добавить, что научно-художественный материал – это вообще... черт знает что. А если серьезно, то лишь сокрушительная самоирония не позволяет абсолютному большинству великолепных рассказчиков как-либо высказываться публично. Почти в аналогичной ситуации легендарный русский богатырь Иван Поддубный говорил репортерам и журналистам, примерно, следующее: «вы называете меня самым сильным человеком в России, но это глубоко и принципиально неверно. На Руси сколько угодно людей, которые гораздо сильнее меня, но они даже не подозревают об этом».

Я горячо убежден, что современное естествознание в своих основных направлениях далеким-далеко перевалило через тот Рубикон, перед которым именно **факты** играют основополагающую роль. Наступило время грандиозных **общений**, какие и не снились Нобелевскому комитету. Но между одиночным фактом и распрозабытой одинокой теорией лежат множество открытий и тьма проблем. Одна из

последних в жаркий июльский полдень 1994 г. навьючила на меня рюкзак, (это вместо парашюта!?), запихнула в самолет и вышвырнула на просторы аэропорта г. Ханты-Мансийска.

В столице Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) в ту пору проживало около 40 тыс. человек, но многие обстоятельства располагали к убеждению, что этот город ожидают сказочные перспективы. А я тогда был встречен и препровожден сначала в Администрацию, а затем в речной порт, где меня должен был поджидать наш двухмачтовый парусник «Флора». Увы, randevu не состоялось. В кои-то веки пользуясь казенным автомобилем, я обсле-довал внушительный отрезок побережья и в конце концов обосновался на пассажирском причале.

Жизнедеятельность в «полосе отчуждения» имеет свои неписанные законы, перед неукоснительностью которых Государственной думе любого созыва следовало бы немедленно самораспускаться. Вот и теперь, когда я только расположился около своего «сидора» перекусить, со стороны набережной разнеслись характерные звуки группового мордобоя: иностранец понял бы так, что здоровенные парни, выкрикивая заявления о своих близкородственных связях, неуклюже пытаются обосновать их кулаками. И случайным людям на пирсе становится неуютно. Каждый смотрит краем глаза, как реагируют на все окружающие. Бабульки придвигают к себе узлы, матери прижимают детей, а мужчины затравленно шарят в карманах... И мне страшно, поскольку никто не знает, на что подвигнутся новые покорители Сибири в следующий момент. К сожалению, деморализованная публика безошибочным инстинктом установила именно во мне способности прирожденного лидера. Так что приходится соответствовать...

Лихорадочно прикидываю, подоспеет ли наш корабль, пока я дерусь с дегенератами, а тем временем небрежно выхлебываю что-то из походной кружки и вяло, как корова, зажевываю пойло каким-то задрипаным пирожком.

СЛУЧАЙ НЕНАДЕЖЕН, НО ЩЕДР

— Хорошо бы сейчас малосольной стерлядки, — сочувственно заметил не весть откуда взявшийся пожилой мужичок с неподъемной сумой.

— Неплохо бы, — меланхолично откликнулся я.

— А хочешь, так, на! — и дядька подал к моему импровизированному столу симпатичнейшую стерлядку. Тут уж и я должен был блеснуть изысканностью, а потому достал из рюкзака папку с классическими тесемочками, из папки — листы бумаги с бюрократическим оттенком, а также самого зловещего вида охотничий нож.

Почтеннейшая публика переключила все внимание на нас. Шпана еще какое-то время поколбасилась и обескураженно слиняла. Ведь большинство таких спектаклей на то и рассчитано, чтобы парализовать волю неорганизованного сборища людей.

А мы с моим новым приятелем аппетитно закусывали и беседовали. Так выяснилось, что мой случайный визави Котлов едет в село Троицу, чтобы отпраздновать 84-летие своей матери. Рассказал и я о своих проблемах. И тут Котлов подал мне великолепную мысль:

— Зачем тебе здесь трепескаться неизвестно сколько? Садись сейчас на теплоход «Москва» и дуй вместе со всеми вниз; где-нибудь и свой корабль перехватишь. А хочешь, сойдем вместе в Троице. Оттуда и «Флору» твою достанем.

И хоть есть у меня на всякий случай бронь в гостинице, да уж идея больно хороша. Ну, что ж, как говорится, «Мне ведь только подпоясаться», и вскоре мы уже вчетвером обосновались на верхней открытой палубе «Москвы». Но сначала я наведался в ходовую рубку теплохода, представился как старпом «Флоры» и попросил «конкретно» посодействовать желанному рандеву.

— Да ты что, парень?! У нас же регулярный маршрут, график и прочее... — удивился капитан.

— А вы флотские, или как? — в свою очередь упорствовал я.

— Ну, ладно. Посмотрим...

Я обожаю кондовых сибирских мужиков: медвежья крестьянская хватка у них дает благородное сочетание с дет-

ской непосредственностью, а река, и тайга для них – это все. Но в данный момент, т. е. посреди великой русской реки и в блаженной праздности, они ломают головы над тем печальным обстоятельством, что к обильной выпивке и княжеской закуске нет же ни грамма хлеба (!)...

Увы, и мне знакома подобная ситуация, и по какому-то фантастическому предопределению, именно на маршруте между Тобольском и Салехардом. Тогда на фешенебельном теплоходе тоже не было ни грамма хлеба, и только наш (на троих) мешок домашних сухарей, любовно заготовленных для похождений на Ямале, ослабил страдания беременных женщин, детей, и околофлотских служб. Так что к аналогичному развороту событий я был кое-как подготовлен.

Как выяснилось чуть поздней, явно злоупотребив своим ослепительным обаянием, я все-таки выманил у буфетчицы-кассира полбуханки ее кровного пшеничного деликатеса. И кто знает, как долго продолжалась бы наша скромная трапеза, если бы «Москва» вдруг резко не сбвила ход и с неба не раздался громовой голос:

– Эй, на шхуне! Возьмите своего человека!!

– Ахти, батюшки! – засуетились и мы, завидев подлетающую к борту «Флору». Я ведь, грешным делом, совсем забыл, что randevu-то никто не отменял... Подозреваю, что и мои случайные сотрапезники до конца не верили, что где-то там, за горизонтом действительно идет голубой корабль с белыми парусами...

– А вы ведь билет не купили! – донесся до меня слабый голосок буфетчицы-кассира.

– Потом! Потом, матушка!! – бодро откликнулся я, прогнивая свою академическую рассеянность.

– Ну, ты даешь, Васильич! – приветствовали меня на «Флоре», а когда я выложил на стол несколько малосольных и копченых стерлядей, вообще погрузились в неумеренный экстаз.

– Случай... надо... готовить! – продолжал я вещать, засыпая на своем узком родном рундуке.

СЛУЧАЙ НЕНАДЕЖЕН, НО ЩЕДР

Пора объяснить любознательному Читателю, что «Флора» – это рабочее экспедиционное научно-исследовательское судно, так сказать, «кустарного производства». Принадлежит оно Институту экологии растений и животных Уральского Отделения Российской Академии Наук (ИЭРИЖ УрО РАН). Собственно говоря, была одномачтовая «Флора-1», которая более чем исправно служила экологической науке несколько навигаций, а теперь вот – «Флора-П», за которой уже числится тоже немало подвигов. И если собрать всех замечательных людей, которые когда- и где-либо хаживали на наших «Флорах», то получится команда в добрую сотню человек. Но впервые один из встречающих меня на борту «Флоры» помимо всего прочего еще и приветливо вилял хвостом.

Вот представьте себе царственного льва, но не как полусонного и туповатого сатрапа. Затем снабдите его великолепным хвостом, перед которым даже иной павлин зябко поёжится. Наконец, попытайтесь сохранить хотя бы остатки собственного достоинства, читая в его глазах снисходительную и добродушную насмешку». Это и есть Ермолай!

Как обидно и как жаль, что для самцов знаменитой северной лайки не существует даже соответствующего «мужского» наименования, хотя они-то и могут служить недостижимым эталоном мужественности. С легкого пера К.М. Станюковича (1843-1903), старпомы на флоте слывут ярыми ненавистниками какой-либо живности на кораблях, но я полюбил Ермолая сразу, беспредельно и слепо.

На шхуне мы не только и не столько передвигаемся, сколько просто живем, т. е. работаем, отдыхаем, кормимся, болеем и принимаем гостей... Собственно, ради всего этого ее сейчас и пригнали из Салехарда (порта приписки) в Ханты-Мансийск.

Создатель и бессменный капитан «Флоры» – Леонид Филатович Семериков (1939-1995), доктор биологических наук, лесной генетик и замдиректора нашего Института, – был весьма заинтересован в успешном выполнении договорной темы, которую кратко, а стало быть и предельно

точно, можно обозначить как «Программа экологического благоустройства ХМАО». А я как раз оказался научным руководителем этой темы. Но мое подлинное призвание раскрылось гораздо раньше в качестве яхтенного рулевого, штурмана, старпома и историографа...

Из ветеранов «Флоры» с нами был тогда еще Юрий Михайлович Малафеев – боцман, большой знаток тундровых и таежных млекопитающих, а главное – хозяин Ермолая. Что касается дендрохронолога Лени Агафонова и его напарника Андрея, то они пока довольствовались ролью матросов (но уже старших!). Ничего, моряки, будете и вы когда-нибудь одноглазыми, однорукими и хромыми адмиралами!

Здесь самое время напомнить о фундаментальном различии между «сочинителем» и «рассказчиком». Первый, едва «выпав из гнезда», начинает «впаривать» свои фантазии, а то и нравоучения непременно всему человечеству. Второй, как правило, весьма замусоленный жизнью, уныло барахтается в трясине своих воспоминаний и порой тщетно мечтает хотя бы об одном благодарном слушателе. Так вот, я ничего не выдумываю, более того – кое о чем вынужден благородно и деликатно умалчивать. В частности, не буду распространяться о сложной механике взаимоотношений с нашим уважаемым Заказчиком. Достаточно заметить что сохранить выдержанку, достоинство и здравый смысл в изнурительных официальных переговорах нам существенно помогали... «Флора», ...Ермолай, а также кое-что еще...

Стоянку нам отвели на участке рейда, безраздельно принадлежащем рыбозаводу, около полуслгнившего бревенчатого пирса. «Плюсы» и «минусы» этой стоянки я мог бы перечислять, анализировать и классифицировать часами, но высшим арбитром все-таки здесь останется святая и грешная практика.

Утром за нами приходил автомобиль, мы с Филатычем ехали в Администрацию и погружались в дебри достопочтенной академической казуистики и региональной дипломатии. Во второй половине дня возвращались на лодку, обедали, а потом, если был ветер, ставили паруса и ухо-

СЛУЧАЙ НЕНАДЕЖЕН, НО ЩЕДР

дили куда-нибудь вверх по Иртышу и протокам. Последняя процедура помимо психотерапевтического имела и сугубо гигиенический аспект. Дело в том, что рядом с нашим экологически чистым судном из стены торчит труба, из которой время от времени довольно-таки музикально извергается какая-то бяка. Но зато в каких-то полутора десятках метров от нас и на воздусях пролегает разгрузочный транспортер завода, откуда буквально к столу нашего Ермолая регулярно прилетают здоровенные язи. Разумеется, для старших товарищей, развращенных вкусом благородной северной рыбы, вся эта халява по барабану (лексикон-то каков!), но все-таки приятно...

Итак, вдоволь нарезвившись в относительно чистых и нейтральных водах, мы возвращаемся на стоянку, еще раз ужинаем, и благочестивая половина экипажа укладывается баиньки. А вот для старпома, боцмана и примкнувшего к ним... Ермолая только начинается порочная ночная портовая жизнь...

Как известно, на всех водоемах мира яхтсмены слышут эталоном элегантности. Мы с Юрием Михайловичем явно не дотягивает до этого уровня, но зато Ермолай небрежно преодолевает все мыслимые планки. Надо видеть, с какой легкостью он обзаводится симпатиями в обоняемом пространстве. Так что наша отпетая троица во всяком случае достаточно колоритна.

Буквально в двух кабельтовых (370.4 м) от нас, ежели по прямой, располагается на вечной стоянке теплоход «Тобол», превращенный в гостиницу с рестораном и баром. В ту бурную эпоху, когда многие из нас очень скромненько ходили в миллионщиках, упомянутый бар нисколько не страдал от наплыва посетителей. Двое двуногих подходят к стойке и заказывают по стопке водки. Пес, каким-то непостижимым образом избавившись от своей разношерстной свиты, укладывается поперек входа в бар, тогда как обескураженные царедворцы не смеют даже приблизиться к трапу. Вечно озабоченные и куда-то опаздывающие стюарды пугаются, ругаются и, наконец, умоляют убрать зверя с дороги. Юра что-то невнятно бурчит, и пес нехотя удаляется ...на полметра.

– Батюшки? Это откуда такая красавица? – с неуклюжей галантностью наша тройка осталбеневает перед шустрой девицей, явно не местного происхождения. За ней по трапу со второй палубы следует поджарый парень – с колючим взглядом.

– Ой, какая красивая собачка! А я – журналистка из областной газеты!

– Ну, с прессой надо дружить? – громко совещаемся мы между собой и колючий парень несколько расслабляется, но затем следует монолог, от которого у парня кровь леденеет в жилах.

– Хотите видеть, слышать, осязать и обонять настоящих лесных моряков? Пойдемте с нами! У нас тут рядышком папусник припасен... Познакомим вас с капитаном. Таких людей в «чичасной» жизни уже и нету. Куда там Артуру Рембо с его «Пьяным кораблем», когда у нас пока еще и все ноги целы. И вообще, Кесь ке се, мусье, кесь ке се?*

Последняя и единственная усвоенная мною шикарная фраза на чистейшем французском языке, да и то благодаря А.С. Пушкину с его «Дубровским» из школьной программы, ставит заветную точку... Отважная женщина покоряется моему ослепительному красноречию.

По трухлявым и шатким бревнам, а стало быть не с последней опасностью для жизни, пресса препровождается на корабль. Заспанный капитан выразительно накручивает пальчиком у виска, но безропотно уединяется с красавицей в каюте! Напрочь заедаемые комарами, но переполненные творческими замыслами, мы ютимся в кокпите, задираем телохранителя, одиноко прозябающего на пирсе, и тайно мечтаем о скромном комфорте своих матросских лежанок. Но, политес, знаете ли!

Справедливости ради уместно заметить, что какая-то публикация по этим следам вскорости была, но я ее не видел. А прессу мы боготворим, поскольку и сами недалеко от нее ушли: нас ненавидят и проклинают мракобесы всех мастей, но без нашего сиятельного взаимодействия свобода мысли была бы немыслимой.

* Что это, сударь, что это? (франц.)

СЛУЧАЙ НЕНАДЕЖЕН, НО ЩЕДР

К сожалению, я никогда не видел со стороны наш корабль, идущий под парусами. Но никто не держал в руках и живое сердце моряка, когда его судно уходит с опостылевшей стоянки. Так что никто, кроме своры обездоленных поклонниц и деморализованных соперников нашего Ермоля не провожал.

Я – убежденный вольтерьянец, но зачем попусту задирать Господа Бога? – с этакой нехитрой казуистикой я пускался в плавание пешком и в одиночку гораздо чаще, чем мне этого хотелось. Эпизоды громоздятся один на другой, но в данном контексте важно, чем занимается Трибунал. Статьи обвинения следующие:

1. Сопровождал Андрея до автобусной остановки, а затем безбилетно пытался проникнуть в центр города.
2. В процессе банальнейшей прогулки за продуктами ухитрился, практически, попасть под автомобиль...
3. Не скушал почти свежего яйца, разбитого нами на палубе.
4. В извращенной форме пародировал нашего уважаемого старпома.
5. Круто погулял где-то с такими же головорезами.
6. Страдает от качки...

Вердикт суров, но справедлив, и Юрий Михайлович вытягивает ремень... Не знаю, где уж здесь витали образы Ф.Н. Плевако или князя А.И. Урусова, но они бы удавились после моей защитительной речи. Вердикт был отменен, злоумышленник помилован, а я был вознагражден облизыванием и легким покусыванием своей хрупкой и благородной руки. Думаю, что в моем лице Ермолай нашел своего святого покровителя, хотя на «Флоре» и без меня все его обожают.

А пока что под одним могучим громом уходим из Хантов. Я лично предпочитаю в любых ситуациях стаксель. Грот-парус тянет, как трактор, но располагается практически в центре судна, А стаксель вынесен вперед, и потому судно более управляемо (плечо между рулем и парусом большое). Правда, был у нас в Обской губе так называемый генуэзский стаксель («Генуя»), который опоясывал весь корабль от

носа и почти до кормы, так я его просто боялся... Во всяком случае, я не первую навигацию и почти до истерики довожу капитана, когда начинаю скулить, что первая «Флора» была «шадеврой», что на ней нам сам черт был не брат, что румпель лучше чем штурвал, что осадка 0,5 м – это вам не полтора метра и т. д. На все мои причитания капитан приводит не меньше полусотни известных мне альтернативных резонов, но консенсус достигается лишь, когда мы договариваемся, что в следующую навигацию поедем через Карское море в Енисейский залив.

Столь широкомасштабные намерения вполне оправдываются тем обстоятельством, что прилегающий к Уралу и Западной Сибири сектор Субарктики давным-давно принадлежит к сфере интересов нашего Института. Наш большой друг Вячеслав Федорович Сосин (1935-1999), например, по крайней мере дважды обогнул весь Ямал и раз шесть пересекал его в разных направлениях. И в этом не было бы ничего особенного, если бы он не проделывал, все на обычной моторной лодке...

Вот и сейчас каждый занимается своим делом, а все другие, по мере возможности, ему помогают. Так, капитан продумывает на местности схему размещения лесных генетических резерватов, т. е. элитных семенных участков основополагающих древесных пород региона. Леня Агафонов берет буровые образцы древесины с самых старых деревьев поймы, чтобы выяснить многолетние ритмы (циклы) в гидрологической и климатической региональной обстановке, Юрий Михайлович примеривается к ресурсам охотничье-промышленной фауны, а я нарабатываю навыки в экологическом дешифрировании космических фотоснимков. Ермолай, разумеется, отвечает за все остальное.

Ночь с 11 на 12 июля оказалась на диво холодной, так что мы впервые попрятались даже в спальные мешки (это в каютах-то!). Пес ночевал снаружи, в кокпите, но когда я утром заговорил о хозяйственном ватнике и месте под столом, то пес привычно ткнулся мне носом в руку. Все-таки весьма смышленая собачка пребывает у нас на корабле...

СЛУЧАЙ НЕНАДЕЖЕН, НО ЩЕДР

Протока Неулема на практике оказалась очень даже уловистой. Не успели мы толком распустить свои ненаглядные паруса, как на нас нивесть откуда вылетела лодка с тремя молодцами. Главный из них представился Тимохой из Шапши. Ну, чем еще можно соблазнить известных почти на весь бассейн гурманов и чревоугодников, чтобы не сказать хуже? Правильно! Животрепещущей стерлядкой... И надо видеть, с каким вожделением урчали мы над этим столом.

Дорогие вегетарианцы в норковых манто, не спешите нас осуждать! За Полярным кругом я готов схавать полкило сливочного масла за один присест, но дома мне хватило бы и... ничего в месяц. Дело в том, что при существенном и естественном (!) зональном дефиците кислорода (10-20 %) приходится и кое-что делать. И вот, когда у тебя нога не поднимается, чтобы перешагнуть через кустик чахлой карликовой берески или через невероятно крутую болотную кочку, твои друзья предлагают тебе княжеский ужин.

На Большой Оби судов практически нет, и лишь мы, как блоха, шастаем из протоки в протоку через Великую Обь. «Совсем одичали...» – бухтит капитан. Но вот из-за поворота, который здесь почему-то называется мысом, вылетает могучий катер, перед опознавательными знаками которого линяют многие.

И надо видеть могучего капитана, еще более могучего боцмана, как всегда невозмутимого и галантного старпома (это я, чтобы не путали), а также новоиспеченного гардемарина, по кличке Ермолай, когда к нашему борту швартуется столь ответственное судно.

А дальше все как всегда, и после обильного обеда нашей добычей становятся бутыль самогона, несколько бутылок пива и много рыбы.

Рыба! Это слово в здешних широтах имеет поистине магический смысл, почти как у отпетых всеми святыми доминошников. Она же, по моей версии, сгубила и нашего капитана. В одну из навигаций именно здесь команда отловила чудовищное количество щук, и ничего кроме щук. Выпотрошив и вымочив рыб в солевом растворе, их раз-

весили вялиться на ветерке. И никто из экипажа практически даже не попробовал эту рыбу, а капитан ее трескал, да еще и нахваливал... Эх, не было тогда на вас привередливого старпома! Дальше можно бы и не продолжать: описторхоз и многомесячное лечение... А последнее – это прежде всего мощные яды. Именно они и надорвали сердце штурмана реактивной бомбардировочной авиации (!), а уж там медицинские комиссии, как говорится, – будь здоров! Правда, были и другие обстоятельства, но о них-то лучше не распространяться.

Именно рыба возвела меня однажды и, увы, ненадолго в ранг какого-нибудь арабского шейха.

Проблемой «Поворота северных рек на юг», как называли ее в народе и в прессе, наш Институт был означен соответствующими распоряжениями Комитета по науке и технике Совмина СССР и Президиума Академии наук СССР и, естественно, «...сверх плана и без дополнительного финансирования», еще в 1978 году. Столь же естественно, что первым делом именно я и «вляпался» в эту заваруху. А имея преступные навыки не доверять маршальским росчеркам проектировщиков чуть ли не на глобусе, я всячески стремился разобраться в ситуации на местности. Так я впервые и оказался в Ханты-Мансийске, как в эпицентре «зоны предполагаемого изъятия части стока рек Иртыша и Оби». А потом началась очередная легенда.

В двухэтажной деревянной гостинице меня лениво отфутболили, но на другое я и не рассчитывал, а должную информацию получил (Учитесь, новые Штирлицы!). Так что, направив свои стопы в сторону конторы Ханты-Мансийского лесхоза, я точно знал, как бывший лесоустроитель, что именно там мне никогда не откажут в ночлеге и хлебе.

Кстати, одним из шедевров ораторского искусства я считаю свою речь, произнесенную где-то в середине 1964 г. в городе Красноуфимске. Как начальник лесоустроительной партии, я мотался тогда, по огромной территории на ...мопеде. Подлетев к привокзальному магазинчику, прокопченный, пропыленный и грязный, как шахтер, я спросил бухан-

СЛУЧАЙ НЕНАДЕЖЕН, НО ЩЕДР

ку хлеба, но мне отказали, поскольку хлеб тогда продавали по талонам, да и то в порядке внушительной очереди.

– Вот Вы! Когда вы надеретесь водкой, брагой или самогоном, то любите завывать: «Держись, геолог? Крепись, геолог...» – только на чем же ему держаться и крепиться, когда вы ему в буханке хлеба отказываете? – презрительно произнес я, развернувшись к выходу.

– Дать ему! Дать!! – заревела только что враждебно настроенная очередь, и я умчался, лелея в рюкзаке две (?) буханки возделенного свежего хлеба. Да, невероятно терпеливые, доверчивые и покорные у нас люди; их веками кто-то куда-то загоняет, как стадо овец. Вот почему они так балдеют от простой человечности...

Итак, спустя каких-то 15 лет после отмеченного эпизода, я мигом охмурил ночную блюстительницу порядка в лесах Югры. Исключительно в моих шкурных интересах она решилась все-таки позвонить домой главному лесничему лесхоза. Как выяснилось в дальнейшем, именно этот звонок и послужил первым толчком в череде моих сказочных превращений. И вот что значит вовремя провозгласить пароль!

На все мои сбивчивые резоны Татьяна Федоровна Пелевина отреагировала с олимпийской решительностью:

– Хорошо. Сейчас я вас устрою в гостиницу: нечего вам на диване прозябать. А завтра, в 9-00, за вами заедут летчики, – и куда-то в сторону добавила – А то они у нас... совсем засиделись в девках...

Небрежно выщипанные брови администратора слегка пошевелились, когда она прописывала меня в многоместный и пустой (!) номер. Гораздо выше они вскинулись, когда утром за мной приехали красавцы-летчики. К вечеру началось вообще, черт знает, что. Но об этом потом.

Самолет «АН-2», да еще на поплавках, – это поистине чудесная машина! Заметив, что я ориентируюсь в обстановке по таким же картам, как и у них, пилоты усадили меня между собой, на раскладной стульчик. Короче говоря, целый день утюжили небеса во всех направлениях и несколько раз садились на озера. Но был момент, когда я

действительно опасался, что наш аэроплан развалится. Это когда по радио сообщили, что весь экипаж (6 человек) буквально с завтрашнего дня отправляется... на сенокос. Это в сентябре-то! Так что летчики были в ярости, а я с ними солидарен...

Ну, и оторвались по полной программе. Так, плюхнулись на одно из тысяч одинаковых и никому не ведомых озер. Подрулили к деревянной эстакаде, а внутри нее оказался огромный садок. Авиаторы откуда-то выудили адекватный сачок и резво нагребли несколько полиэтиленовых мешков громадных карасей. Таких я не видывал и вряд ли уже когда-нибудь увижу...

Весьма затемно приводнились в гидропорту, и на мешки с рыбой обрушилась свора аэродромной obsługi. Все знают, что это последний полет.

– А ты чего стоишь? Забирай рыбу-то! – гаркнул на меня штурман.

– Зачем она мне? Я в гостинице живу...

– Э, парень, да ты совсем дурак! Отдай администратору. Вели (!) тебе что-нибудь сварить-пожарить. Будешь уважаемым человеком! – и мне нагребли около пуда этаких-то карасей.

– А вас давно уже в номере ждет какой-то человек из Москвы! – доложила мне администратор.

– Оригинально! – откликнулся я, начиная уже входить в роль.

– Нельзя ли как-нибудь пару этих рыбок зажарить, пару сварить? А остальное заберите себе, – и я плюхнулся перед ней трепыхающийся и отливающий золотом мешок.

– Сделаем! Нет проблем! Вас позовут...

В номере меня действительно поджидал молодой не-знакомец. Пока мы «обнюхивались», прошло, наверное, минут пятнадцать, и он то и дело поглядывал на часы. Наконец он не выдержал:

– Вы собираетесь сегодня ужинать?

– Непременно и даже обильно.

– Так пойдемте в буфет, а то он сейчас закроется.

– Ну и Бог с ним...

СЛУЧАЙ НЕНАДЕЖЕН, НО ЩЕДР

– Но там великолепные пирожки с ливером?
– Ну и Бог с ними... Нас позовут...
– Ну, вот! Теперь все – и мой московский коллега подгрузился в дремучую меланхолию, а меня эта ситуация уже изрядно забавляла.

– Пожалуйте к столу! Мы решили вас в служебном помещении устроить, чтобы вам никто не мешал, – и сияющая служительница культа Рыбы распахнула перед нами двери. А там полная сервировка на два куверта: огурчики, помидорчики, грибочки, салфеточки и прочее. В кастрюле бурлит и на сковороде шкварчит. Ошеломленный москвич достал бутылку коньяку, а я выставил ром...

– Значит, говоришь, с ливером пирожки-то? Ну, за пла-вающих и путешес-твующих, а также страждущих и пленен-ных! – но я горько сожалел, что нет на мне сейчас бело-снежной хламиды и двойного черного жгута наголове.

Ермолай в наших гастрономических воспоминаниях и упражнениях – далеко не последняя фигура, но у него теперь совершенно другие проблемы, и он рассчитывает лишь на наши могучие интеллектуальные способности. Дело в том, что тайга или тундра – вот родные стихии сибирской лайки. Так что, даже в самой фешенебельной городской квартире он не приживется, не говоря уж о тесном кубрике простого пиратского корабля. Все гремит и вибрирует, когда лодка идет под дизелем, но подлинный ад начинается, когда эта свора головорезов собирается ставить все (!) паруса.

– Береги хвост! – буркнул однажды ненаглядный хозяин, тяжело протопав мимо.

– И это все инструкции? А когда тебя возит по палубе, как швабру? Да еще и говорят, что был довольно-таки кру-той маневр?

Но это не главное. Самое печальное обстоятельство заключалось в том, что наш обожаемый Ермолай совершенно не умел отправлять свои естественные потребности на корабле... Надо ли напоминать, что у него в этом деле было

достаточно доброжелательных и красноречивых наставников. Но пес решительно не признавал соблазнительных леерных стоек и даже неотразимого основания бизань-мачты. Ко всему прочему, мы предпочитали ночевать где-нибудь далеким-далеко от берега, на якоре и на сквознячке, чтобы нас не так сильно истязали комары. Да и пристать к берегу при нашей-то осадке можно далеко не везде. Так что умоляющие глаза собаки преследовали нас даже во сне. Но зато уж на берегу он отрывался по полной программе.

Однажды, исключительно по глупости, я вякнул, что наш корабль может быть украшением «Книги рекордов Гиннеса» по части тихоходности, так меня бы немедленно утопили, если бы кто-нибудь кроме штурмана знал, где мы в данный момент находимся. А вообще, против течения и ветра, да под парусами действительно не очень-то скоро продвинешься к цели, но зато какие изящные крены!

– Так что же все-таки за пароль, которым ты орудовал в Хантах в разговоре с главным лесничим? – после лукулловского ужина любопытствует Юрий Михайлович, и молодежь начинает стричь ушами.

– О! – и я закатываю глаза, почти как Слава Сосин, когда его спрашивали: «что такое нельма в кляре или жареная налимья печенька?»

Дело было в 1957 году, когда мы с Геной Басуевым после второго курса Уральского лесотехнического института приехали в г. Ивдель, чтобы начать карьеру лесоустроителей в качестве рабочих. Поздним и весьма студеным вечером, вместе с примкнувшим к нам еще в поезде летчиком гражданской авиации, мы заявились в гостиницу в рассуждении, как бы переночевать. Но на все наши униженные мольбы ночной дежурная отреагировала с непреклонностью гранитного монумента:

– Вон у меня полковники на раскладушках и в коридорах спят! Совещание здесь какое-то всего лагерного начальства! – и мы с Геной покорно поплелись к выходу.

– А теперь смотрите, как работает профессионал, – шепнул нам пилот, до этого с явным пренебрежением наблюдавший со стороны за нашими действиями. Кстати, Гена

СЛУЧАЙ НЕНАДЕЖЕН, НО ЩЕДР

Басуев тогда был уже отставным техником-лейтенантом авиации...

– Никогда не поверю, что такая **милая**, и даже очаровательная на вид женщина позволит трем интеллигентным мужчинам ночевать на улице! – и вот представьте себе Мимино, когда он работал на международных авиарайсах: – белая сорочка, черный галстук, синий мундир и золотые нашивки...

– ...**Милая** на вид, очаровательная! – и чаровница развернулась к нам всей своей широкой grenadierской настью, – Я вас сейчас в подсобку поселю! И она притащила три раскладушки, бормоча «**Милая** и очаровательная...», затем, сметая на своем пути увесистых полковников, – три новеньких матраса с фабричными этикетками и белье. Наконец, вдоволь налюбовавшись на наш стриптиз, принесла нам горячий чайник.

– Вот вам и пароль: «**Милая** и очаровательная на вид». К сожалению, именно первые-то красавицы мира на него совершенно не реагируют...

– Это как ты ухитрился с первыми красавицами мира пообщаться? – недоверчиво встрепенулась аудитория.

– А моя жена? – невозмутимо парировал я.

– Но позволь, как же ты мог в Хантах молоть по телефону: «**Милая** и очаровательная на **вид**? – не унимались скептики.

– Бархату надо пустить в голос побольше! Бархату!! А то вы привыкли на собак да матросов орать!

В протоке Зимней есть заветное местечко, где мы становимся носом в берег достаточно капитально. Безымянное озерко поблизости служит нам исправно уже несколько лет. Не все же нам халявой обходиться. Снаряжаем резиновую лодку и ставим сетки. К вечеру изъяли 14 штук, а утром — еще полтора ведра карасей. Примерно третья из них серебристого цвета. Но вкусовых различий между серебристыми и золотистыми карасями даже мы (!) установить не можем...

Вообще-то у нас много таких «местечек» и для самых разнообразных надобностей. Грибы и ягоды, например, ждут своего часа, как на плантации. А сколько нужных предметов посеяли мы в местах случайных стоянок! Какой-нибудь бродяга, например, приятно удивится, когда найдет капитанов златоустовский топорик с изящной гравировкой, да еще и воткнутый в сломленное дерево на самом видном месте...

В районе поселка Тундрино небольшой и старенький, но аккуратный буксир тянет через реку открытый паром. Капитан буксира всеми известными средствами дает понять, что приглашает нас подойти. Но группа женщин и внушительный строй молочных фляг на понтоне обладают еще более мощными притягательными свойствами.

— Дайте нам на растерзание хоть одного морячка! Вон того, рыженького! — кричат нам женщины, пока мы на ходу швартуемся к барке,

— Почему же одного и непременно рыжего? — галантно протестует некондиционный флотский контингент, — мы вообще-то в прошлом все были жгучими брюнетками!

Увы, при как бы случайному, но тщательном простукивании фляг все они оказываются удручающе пустыми: бригада доярок еще только следует на очередную дойку, а потому перегружается на тракторный прицеп и растворяется на просторах необозримой поймы.

Бравый капитан буксира утешает нас трехлитровой банкой свежайших сливок, а его расторопный помощник под завязку заполняет наш бак соляркой, затем наш дизель

СЛУЧАЙ НЕНАДЕЖЕН, НО ЩЕДР

поучает кучу запчастей... Но окончательно нас добивают четыре бутылки вина, которые два наших матроса честно зарабатывают, потрудившись 5-10 минут на разгрузке баржи. А уже на ночной стоянке автору этих строк приходит идиотская мысль опробовать, якобы, отсыревший красный фальшфейер (сигнал тревоги), и тут же из темноты, как чертик из шкатулки, появляется... известный нам буксируйный катер да еще и с прицепом. Нет слов!

Когда люди узнают, что наша команда состоит исключительно из научных работников, т. е., ребят довольно смешленых, начинаются «вечера вопросов и ответов», памятные в сельской глубинке еще с псевдосоветских и дотелевизионных времен. А нынешний поток информации (в том числе и ложной) и явный дефицит объективных аналитических комментариев порождают массу недоразумений. А у нас на корабле, как говорится, «всякой твари по паре», так что все из первых рук. Достаточно заметить, что Лев Анатольевич Животовский, например, для которого генетическая идентификация останков царской семьи есть всего лишь мелкий побочный эпизод, – на наших «Флорах» проделал путь от юнги до мичмана, да еще побывал и разжалованным...

Политические убеждения на «Флоре» сияли, разумеется, всеми цветами спектра; от коммунистов до анархистов, не исключая кадетов и эсеров, а также промежуточных состояний «возмущенного разума». На этой почве в нашей кают-компании разгорались иногда весьма крутые дебаты.

У нас ведь страсть: навесить на любое явление некую этикеточку, а затем носиться с этой бумажкой, как списаной торбой. Но от жестоких конфликтов нас всегда спасало... беспредельное взаимоуважение, основанное на совместном экспедиционном опыте.

Наш план-максимум заключался в том, чтобы побывать на р. Вах, но он фактически провалился еще в Ханты-Мансийске: для этого надо значительно больше времени и непременно осенью. А потому мы решаем особо не спешить, тем более, что нами руководят и далеко не научные

соображения: 25 июля мы с Филатычем должны уже быть на совещании в Хантах. Так что получше присмотримся к устьям здешних рек.

Но и к нам присматриваются, причем в весьма «подозрительную» трубу с мощными диоптриями. Разумеется, исключительно по академической рассеянности мы давным-давно заметили слежку. И когда к нам подлетела быстроходная моторка с тремя джигитами, мы точно знали, что в заводи осталась еще одна лодка с двумя головорезами.

Как я уже отмечал, наша лодка не отличается особой быстроходностью, а потому мы приветливо принимаем швартовы и приглашаем гостей в каюту для взаимного «досмотра». Многие нюансы выдают себя сразу, и мы тотчас распознаем, что перед нами действительно бандиты. Ведь, грешным делом, и сами-то мы иногда подумываем заняться речным разбоем. А что? Держава на фундаментальную науку пренебрежительно махнула рукой... Но драматическая ситуация разряжается самым банальным образом:

«Пожертвовано бандитам бутылка самогона, два литра томатного соуса и банка клубничного джема» – гласят сухие записи в моем полевом дневнике и в бортовом журнале «Флоры»...

В разгар налета я всё-таки ухитрился поведать свежей аудитории, как меня однажды грабили в глухой уральской горной тайге.

Итак, ранней осенью 1967 г., вернув пошлой цивилизации своего очередного напарника-студента, я вернулся в верховья р. Вишеры на Северном Урале в ранге одинокого аспиранта-лодочника. «Я убью тебя, лодочник!» – это шлягер 2004 г., но это про тогдашнего меня...

Под высоким берегом горной реки я расположился добавить бензина из бочки в расходный бачок, а также поухаживать за мотором. В разгар занятий шорох каменистой осыпи за спиной предупредил, что ко мне кто-то приближается. Рука автоматически потянулась к правому борту лодки, где на специальных рогульках возлежит заряженный дробовик: всякое бывает, знаете ли...

СЛУЧАЙ НЕНАДЕЖЕН, НО ЩЕДР

— Ты ручонки-то не протягивай! — звучит насмешливая команда, и я послушно распрямляю спину. — Я тебя давно уже вычислил! — надо мной на обрыве стоит здоровенный парень, а за поясом у него торчит еще более здоровенный «ливольверт». Соответственно, и процедура «обнюхивания» прошла на диво миролюбиво. Налетчик оказался геологом из партии, которая находит и тут же добывает горный хрусталь для каких-то там стратегических нужд. Орудуют они на вертолетах...

— У тебя хлеб, лук и соль есть?

— У меня все есть, не в укор некоторым! Обвешаются, понимаешь, «кольтами»... — ворчал я, роясь в своих узлах.

— Так давай, оленьей печенки сырой поедим.

— Зачем же сырой? Можно и пожарить.

— Э, парень, да ты совсем одичал! — и он достает из сумки бутылку «Столичной». — Под это дело — только сырую!

Я ловлю себя на мысли, что все больше уподобляюсь Джону Стейнбеку (1902-1968) с его повестью «Квартал Тортилья-Флэт». Моя попытка подсчитать, сколько всевозможных спиртных напитков употреблено на страницах упомянутой повести, вполне удалась, но соответствующая таблица, увы, невозвратно утеряна. Я не берусь ни восхвалять и ни осуждать трезвость или пьянство: я описываю действительность не так, как кому-нибудь хочется, а такой, какова она есть. И рассказываю не о голодовках учителей, врачей или шахтеров, а о приключениях относительно свободных, самодостаточных и предприимчивых людей. Так что, в этом смысле кавалер медали «За освоение целинных земель» действительно идет по следу нобелевского лауреата.

— Ну, и как печенка?

— А что печенка? Порезали ее на ломти серого хлеба, присыпали солью с перцем, придали луком... Вполне съедобно и чрезвычайно питательно. Он ведь этого оленя-то с полчаса назад ухайдакал. Я бы и выстрел услышал, если бы не рев мотора...

— А что с оленем?

— Пошлет людей. Вынесут. Съедят отрядом-то за два пристesta. Как удавы! А пока ему еще надо обратно в гору лезть...

«Мы говорили: компас, а не компас. Мы плавали, а не ходили» – примерно таким пассажем я хотел бы начать свою поэму о «таежных моряках», но дело ограничилось, как водится, лишь первой фразой. А в ночь с 16 на 17 июля с нашей якорной стоянки завиднелось зарево Сургута. Представляю, как был бы ошеломлен большой друг всех русских моряков Константин Михайлович Станюкович (1843–1903), приближаясь к нынешнему Сургуту. «Живут люди и в этих проклятых местах (есть, впрочем, места еще хуже, поближе к Ледовитому океану, например, Вилуйск, Верхоянск). Преимущественно по притокам Оби, близ «урманов», где больше водится зверь, разбросаны редкие селения аборигенов страны, несчастных инородцев. Есть, кроме того, здесь и так называемые административные «центры», в виде отчаянных городишек, брошенных в эти трущебы. В подобных, неизвестно для чего существующих «центрах», вроде Сургута или Нарыма, кроме бурбонистого исправника или заседателя да двух-трех чиновников, вносящих цвет цивилизации к инородцу посредством взяток, живет несколько сотен обывателей (потомков прежде поселенных казаков) и уголовных ссыльных, десяток рыбопромышленников и скупщиков пушнины – отчаянных грабителей-кулаков, действующих всеми силами вымиранию инородцев и уничтожению зверя и рыбы, и обязательно несколько человек неуголовных ссыльных. Без десятка-другого таких невольных туристов немыслима никакая сибирская дыра, и чем она трущобистее и отдаленнее, тем больше шансов встретить в ней нескольких подобных молодых людей «без определенных занятий» – так писал Станюкович, проследовав через Сургут в 1885 г. в сибирскую политическую ссылку. Нужны комментарии?

Первым приближение великого города почувствовал, разумеется, Ермолай, что выражалось в неописуемо похабных телодвижениях и повизгиваниях. Надо заметить, что до сих пор он ревностно исполнял обязанности судовой посудомойки (Чем не каламбур, да еще с намеком на судебную систему?). Мы просто расставляли свои послеобеденные

СЛУЧАЙ НЕНАДЕЖЕН, НО ЩЕДР

миски на корме, а Ермолай их тщательнейшим образом вылизывал, так что оставалось их всего лишь сполоснуть в зaborтной воде. Обилие недоеденного провианта в отдельных плошках воспринималось им как знак особого и высочайшего расположения...

Пристать к берегу в Сургутском речном порту – это все равно что прорваться извне в «око тайфуна». Надо пришвартоваться к какому-нибудь судну, которое прицепилось к другому, а то – к третьему и т. д. Короче говоря, как где-нибудь в Гонконге... И пока мы выясняем, как долго и около кого мы сможем обитаться, наш пес уже несется по трапам, палубам и надстройкам к возделенной воле.

А там, как по договоренности, на песчаном бугре его уже поджидает свора таких же головорезов. Мы бросаем все свои неотложные дела и хватаемся за бинокли. Да, действительно, есть на что посмотреть! Наш пес решительно не признает ритуалов, которые, возможно, являлись непоколебимыми в данном почтенном сообществе. Широченной грудью он с ходу сносит с ног ошелевшего пахана, и тот кувыркается с бугра, вяло перебирая в воздухе ослабевшими лапами. Мы убираем бинокли, азартно комментируя очередную победу флота над всякой «штатской сволочью». После кратковременной вылазки в город и длительного отлова загулявшего Ермолая ушли на фешенебельную стоянку Сургутского яхт-клуба (на острове)...

Последнее многоточие вряд ли передаст всю теплоту, с которой нас приняли сургутские яхтсмены. Для них мы – ихтиозавры! Да так оно и есть. Молодые и шустрые, они пьют «Мартини» и мечтают о международных регатах. А нам остается довольствоваться мудрым предостережением Ф.И. Тютчева (1803-1873):

*И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор.*

Итак, отныне смирение, только смирение и ничего кроме смирения! Тем более, что от нас уходят два молодых, но хорошо обученных сотрудника: Леня Агафонов и Андрей.

Нас остается только трое, не считая Ермолая, но лавры Джерома (1859-1927) нас нисколько не впечатляют. Похоже и Ермолай никак не расположен соответствовать какому-то кабысдоху Монморанси. И было бы крайне интересно посмотреть, как эта шавка из лондонского пригорода сумела бы объясниться например, с туруханскими или салехардскими псами.

Действительно, разница между нашей троицей и тремя придурковатыми джентльменами, путешествовавшими по Темзе, примерно такая же, как между Ермолаем и Монморанси, хотя человеческая и собачья природа повсюду и всегда берет свое, а это не так уж мало...

В Нефтеюганске у нас много друзей, а кое-где на речном дне пребывает на вечном хранении наш якорь еще с первой «Флоры». А местные яхтсмены подогревают нашу меланхолию, когда терпеливо и осторожно разъясняют нам, что экипаж дружественной «Югории» пребывает сейчас на Кипре, снаряжая свою новую яхту для очень серьезной международной гонки. И видели бы вы наши хвосты, когда мы удалялись прочь по Юганской Оби!

Снова и вновь напоминаем себе и окружающим, что у нас не гоночная яхта, а кондовая крейсерская шхуна, что у нас другие задачи, но от этого не легче. Положение спасает лишь воля к действию, когда у тебя только на кончике носа сидит с полсотни комаров...

А если серьезно, то я давно присматриваюсь к поймам и дельтам северных рек. Как ни как, а именно устьевые зоны великих палеорек являются кладовыми подавляющей части углеводородных ресурсов планеты, в поймах современных рек зарождалась цивилизация... Северный Ледовитый океан – вот Средиземное море будущего! Вопросов масса. Казалось бы, есть дело всем желающим, но и здесь нас подстерегает пресловутый «модерн»: теперь уже не надо тошнить в полыньях, варить супы из ремней натуральной кожи или блуждать в необозримых кустарниковых зарослях, т.е. проделывать рутинную работу, чтобы выяснить, например, с какой скоростью погружается континент или намываеться остров... Сиди себе за компьютером да грамотно ставь

СЛУЧАЙ НЕНАДЕЖЕН, НО ЩЕДР

перед ним задачи: космическая съемка, компьютерная графика и фрактальная геометрия могут творить чудеса.

Но вообще-то именно в таких поездках идеи плодятся, как тараканы. Кстати, я весьма уважаю последних, поскольку они посмышленей многих людей. А мы трое настолько изучили друг друга, что самый пышный фонтан творческих замыслов порождает у нас лишь скуку. Действительно, трех сварливых старперов на паруснике, даже для такой могучей реки, явно многовато, а потому Ермолай почти непрерывно просится на берег. В его хитрых глазах так и слышится напев распраздышего, но такого актуального и содержательного шлягера:

*Я на пузыре голых бабов нарисую
И надпись: «Не забуду мать родную».
Я по пампасам буду бегать с томагавкой,
И на меня тогда никто не будет гавкать...*

Набегаться по тайге до изнеможения пес, похоже, не может в принципе. Одно удовольствие смотреть, как, по команде Юрия Михайловича «Копай!», пес начинает с фантастической скоростью работать всеми лапами и через минуту-другую полностью исчезает в сыром песке. И это далеко не просто игра; точно так же северные лайки прячутся от пурги в снег...

Но однажды Ермолай получил жестокий урок. Не знаю, насколько он справедлив, но дисциплина есть дисциплина, а флот есть флот...

Итак, однажды после двух-трехчасовой стоянки мы никак не могли дозваться Ермолая из леса:

– Вот ведь сидит, паразит, где-нибудь на мысу и наблюдает за нами! – надрывается Юрий Михайлович, лучше других знающий строптивый нрав своего Ермоши.

– Уходим! Уходим к черту! – звучит непреклонная команда, и течение мягко подхватывает наше неповоротливое судно.

Невесть откуда вынырнувший Ермолай почуял неладное и тревожно засуетился, а мы дрейфуем уже в двух десятках метров от берега.

Разумеется, мы за ним ненаглядным вернулись бы, оставайся он на берегу. Но, не выдержав резонных опасений, пес решительно бросается в воду, чего никак нельзя было делать. Великая река – это вам не идиллическое озеро и даже не море, а борт шхуны – это не плотик! Запустить движок или поставить парус? Нет времени!

Мы видим, как могучими сердцем, легкими, грудью и лапами пес пробивается поперек течения на родной корабль. Сначала мы видим широкую спину, затем только голову, наконец, – жадные ноздри и умоляющие глаза... Не надо думать, что мы бездеятельно таращимся на всю эту драму. Юра и Филатыч лихорадочно срывают леерное ограждение по борту, я ворочаю бесполезный штурвал, пытаюсь развернуть лодку в удобное для всех положение. Да любой из нас запросто бросился бы за борт, но тогда двум оставшимся пришлось бы спасать двоих...

Наконец, опасно зависнув над водой, два богатыря хватают погибающего пса: один за хвост, другой – за столь же посрамленный загривок. Свирепо ухнув, они швыряют несчастную собаку на палубу, где она расплывается, как цыпленок-табака. Только и веса сейчас в этой «цыпочке» никак не меньше центнера...

Надо заметить, что весь эпизод занял не более пяти минут, а в современном телесериале его непременно размазали бы на десяток серий. Вот почему кто-то презирает, а кто-то обожает сериалы...

А вечером, после ужина, в «Клубе знаменитых капитанов» идет разбирательство последней экстремальной ситуации на корабле. Дело в том, что для матерых полевых научно-исследовательских деятелей никак не допустимо «...распускать сопли» (цитируется самое мягкое выражение) и кого-нибудь потерять. Наш лозунг: «Самое большое приключение – это никаких приключений!» – поколебал какой-то пес!

Между тем, песик возлежит у входа в каюту, внимательно пошевеливая ушами. А очередь доходит и до него. Взрыв негодования подбрасывает его над полом и грубо опускает: капитан и хозяин обрушивают на него град выражений, перед которыми даже я зажимаю уши.

СЛУЧАЙ НЕНАДЕЖЕН, НО ЩЕДР

— О, Гиннесс, где ты!? — примерно, так в это время размышлял наш пес, лениво закатывая блудливые глаза. Вся его поза выражает беспредельное смирение и покорность, а также благочестивость и глубокое раскаяние. А вот следующий эпизод, при всем моем богатом воображении, я не смогу описать без чертежа.

— Ну, хватит, ребята, мордовать бедного пса! — остановил я поток красноречия и малообоснованных обвинений.

Пес, который все время находился на расстоянии вытянутой руки от меня, поднялся, встрепенулся, вкруговую и равнодушно проследовал мимо хозяина, затем мимо капитана, подошел ко мне, лизнул руку и тем же маршрутом, но уже с достоинством, вернулся на свое место. И надо было видеть отвисшие челюсти суровых обвинителей!

А все дело в том, что ...были у меня и раньше друзья среди собак! Мальчишеская мечта иметь собственную собаку, совершенно недостижимая в условиях еще довоенной городской коммуналки, осуществлялась в дальнейшем, подчас, весьма экзотическими способами.

Так, в сентябре 1966 г. на Северном Урале, снарядившись в многодневный одиночный маршрут и как всегда налегке, я остановился в лесу покурить и поболтать со своим приятелем лесником Егором. Рядом крутился молодой пес медвежьей масти, по кличке Мартай. На азартный лай Мартая где-то неподалеку Егор отреагировал скучо;

— Дурак он еще! Лает на каждый пень...

— Не скажи, парень. Пойду-ка я, посмотрю.

Завидев меня, пес удвоил азарт. Да ведь как! Он вывел меня на огромную раздвоенную ель, и пока я высматривал, что там на вершинах, он отвлекал внимание жертвы на себя. Я пробираюсь по дуге, и он беснуется за деревом напротив. После выстрела, как водится, я отделил ему лапы и голову глухарки (копалухи) и вернулся к Егору.

— Спасибо тебе, Мартай! Ты обеспечил меня обедом и ужином.

Год спустя мы уже вдвоем со студентом УрГУ Толей Брагиным категорически потребовали от Егора отпустить с нами на месяц-полтора заматеревшего Мартая, скучаю-

щего на цепи. Я плохо помню после бани, но мне рассказывали, что перед этим я долго катался по земле, пытаясь выяснить, кто сильней...

— Мартая не дам! — уперся Егор, но когда я ему по-жертвовал самодельный тестер для проверки исправности катушек и конденсаторов магнето, смилиостивился:

— Возьми вон Шарика!

— Да ты за кого нас держишь? Вся Вишера знает, что Шарик давным-давно слепой, глухой и шелудивый!

— Не хотите, не надо!

— Ладно. Пропадать, так пропадать! Давай веревку...

— А зачем его привязывать? Он и так никуда не денется, — ехидничает удовлетворенный сделкой Егор.

— Ну и ну! А потом отвечай за него перед тобой же. Съедят его мухи в горах... Давай веревку, хоть она останется...

Первая ночь с арендованным Шариком прошла для нас в интимнейшей близости. Дело в том, что вскоре после отплытия нас догнал на совершенно пустой лодке знакомый геофизик Пикулев. У него на лодке 30-сильный «Вихрь», у меня 10-сильная «Москва». Недолго посоветовавшись, перегрузили на его лодку все мое имущество, а заодно и студиоза. Так я и остался с Шариком на веревочке с бочкой бензина.

На первом же перекате я сорвал шпонку винта. Пока устранил последствия, начался дождь. Еще час поколбасился на реке, да разве Пикулева догонишь? Темно уже, холодно и сырьо... Бросил на тросяк в берег чугунную болванку, заменяющую якорь, намотал на руку веревку с безропотным Шариком и полез на обрыв прятаться в ельнике.

Костер затевать неохота, есть нечего, хорошо хоть плащик студенческий пригодился в лодке. А Шарик уже облюбовал местечко под елкой и свернулся там калачиком. К своему удивлению, я скоро обнаружил, что лучшего места в промозглом лесу, пожалуй, и не найти.

— Ну-ка, потеснись, старина! — и я улегся рядом с псом, накрывшись плащиком. А утром я первым делом широко размахнулся и забросил ненужную веревку на ближайшее облако...

Шарик исправно шастал с нами через Урал и по знаменитым вишерским порогам. О его проделках, а также ду-

СЛУЧАЙ НЕНАДЕЖЕН, НО ЩЕДР

ховном и физическом возрождении у меня даже написан рассказ... Но финал нашей дружбы заслуживает поистине шекспировского пера.

– Ты, Егор, взял бы Шарика на веревку, – вкрадчиво шепнул я леснику, когда мы начали прощаться.

– Вот еще! Да он не сиживал на веревке! – оскорбился Егор.

– Ну, смотри... – и мы потащили свое имущество к лодке. А пес уже сидит в носу, на своем лоцманском месте, и бодро посматривает по сторонам. Егор почернел и побежал за веревкой...

Шкодливо отводя глаза, мы прыгнули в лодку и я начал остервенело рвать шнур стартера. С берега доносилось заывание Шарика. Мы чувствовали себя предателями...

Надо заметить, что такие псы, как престарелый Шарик, чрезвычайно ценятся знатоками, поскольку являются незаменимыми наставниками молодых собак при охоте на лося или медведя. Вот бы и людям так!

Эту историю я рассказал друзьям в домашнем уюте «Флоры». Самым заинтересованным слушателем был, разумеется, Ермолай. В этот вечер после барского ужина осталось как-то невероятно много соблазнительных объедков...

По течению «Флора» бежит довольно резво, и мы решаем «заскочить» к нашему приятелю Тимохе из Шапши. Как мы постоянно отмечаем, коренные сибирские мужички умеют жить со вкусом: они оборотисты и добычливы. Около тимохиного двора стоит трактор: «Приватизировал, знаете ли» – поясняет Тимоха...

Коронным номером нынешней дружественной встречи является баня, но меня больше беспокоит культурная программа. Спонтанное приготовление элементарной сибирской бани требует огромных усилий, на что и устремляется вся эта свора. А я мимоходом пытаю Тимоху:

– Не завалялся ли у вас где-нибудь в кустах... баян?

– Нет проблем! – откликается безотказный Тимоха, и через пять минут в моих руках оказывается вполне трудоспособный инструменте...

Я дружу с баяном с 1947 года, а точнее – еще с момента моего зачатия, поскольку уже мой отец увлекался гармонью с детства. К сожалению, мало кто знает, что само название «баян» впервые появилось лишь в 1907 г., для обозначения четырехрядной усовершенствованной хроматической гармоники, сконструированной питерскими музыкантами Н.Е. Стерлиговым и Я.Ф. Орлайским. С той поры баян совершил головокружительную карьеру, став поистине всемирным и вездесущим инструментом. Действительно, ни оркестр, ни орган, ни рояль и даже ни пианино не унесешь далеко на своем горбу, да еще через окопы и землянки, мимо крови и смерти...

А я сейчас посиживаю на лавочке и наигрываю сольный концерт для великой русской реки. И банно-прачечную процедуру решительно отвергаю. Кстати, таково же решение и Ермоляя. Там все для тела, а здесь – для души!

Так, вспоминается самое эффектное мое публичное выступление в 1978 г., на берегу р. Демьянки (правый приток Иртыша, длина 608 км). По здешним масштабам, так себе речушка, но это почти две Темзы и побольше какого-нибудь Гвадалквирия, который все знают. Перед этим я несколько дней пробирался по тайге, внимательно присматриваясь к действиям вертолетов, которые поминутно садились и взлетали в каком-то не обозначенном на карте пункте.

– Вот бы мне полетать денек с этими ребятами! – сказал я себе, готовясь преодолеть очередное мощное оборонительное сооружение, именуемое дорогой. Этот же тезис я выдвинул вечером перед местным лесничим в его «летней резиденции» на мысу около реки. Ниже мыса лежит огромный поселок трассовиков-газовиков с переулками, улицами и проспектами, застроенный сплошь балками всевозможных фасонов, цветов и калибров. Там же и вертолетная площадка, а также штабеля труб и всяческих железобетонных конструкций. Так что надземное освоение подземных кладовых идет полным ходом...

После ужина с вяленой рыбой и квасом я, наконец, обратил внимание на баян, который сиротливо покоялся на ко-

СЛУЧАЙ НЕНАДЕЖЕН, НО ЩЕДР

моде под кружевной салфеткой. Оказалось, что его хозяин служит в армии, а бедный инструмент пропадает от тоски. И скоро над рекой, тайгой и засыпающим поселком баян завздыхал всеми своими мажорами, минорами и доминант-септаккордами.

Вспомним, что писал Лев Толстой в «Крейцеровой сонате»:

«Разве можно допустить, чтобы всякий, кто хочет, гипнотизировал один другого, или многих, и потом бы делал с ними что хочет? И главное, чтобы этим гипнотизатором был первый попавшийся безнравственный человек! А то страшное средство в руки кого попало! Например, хоть бы эту Крейцерову сонату, первое престо, разве можно играть в гостиной среди декольтированных дам? Это престо сыграть и потом похлопать, а потом есть мороженое и говорить о последней сплетне? Эти вещи можно играть только при известных, важных, значительных обстоятельствах, и тогда, когда требуется совершить известные, соответствующие этой музыке, поступки, – сыграть и сделать то, на что настроила эта музыка. А то несоответственное ни месту, ни времени вызывание энергии, чувства, ничем не проявляющегося, не может не действовать губительно» (1891, с. 345).

Это все про меня! Только и Лев Толстой не летал на вертолетах, а... тачал сапоги ...всмятку. А я ранним утром со всем своим скарбом явился на площадку и начал приставать к летчикам.

– Не положено! – футбольят меня от одного к другому, да этак неприветливо. Так добрался я и до командира эскадрильи. На все мои академические резоны он отреагировал с командирской непреклонностью:

– Не положено!! – и взвесил меня от мушкетерских сапог до макушки тяжелым пренебрежительным взглядом.

– Так и горите вы синим огнем, мать вашу так, покорители! – рявкнул и я, вероятно, сверкнув сквозь очки таким же непреклонным командирским синим пламенем, – Только объясните, почему вы все такие злыё?

— Так вот, понимаешь, какой-то гад всю ночь жарил с холма на баяне. Весь поселок не выспался...

С трудом преодолев неудержимое желание юркнуть в ближайшие кусты, я мобилизовал остатки мужества и со-знался, что это я играл.

— Полезай вон в ту машину!

Ну, я и налетался, как говорится, «от пуга». А на языке суроевой прозы это называется аэровизуальным обследова-нием территории.

Обследование ведется со всех сторон и всеми спосо-бами, а потому воздушные тяжеловозы легко выяснили, что мне теперь желательно попасть на пристань в Уват.

— Нет проблем! — звучит магическая формула, — У нас один борт полетит туда сегодня заправляться...

Случай надо готовить, господа-товарищи, горбом и потом!

В Шапше каждый из нас получил, что хотел: одни по-мылись в бане, другой наигрался на баяне, похоже, не упу-стил своего и Ермолай, а все в целом употребили и запас-ли впрок огромное количество молокопродуктов. Спасибо тебе, Тимофей Юрьевич Наханьков! В эту ночь в Шапше кое-кто очень даже не выспался...

Как было сказано, на 25 июля назначено совещание в Хантах. Резкий переход от вольной полуpirатской жизни к суровой бюрократической прозе чреват даже клиническими последствиями. Поэтому мы выкраиваем денек для профи-лактики физиологии, психики, гардеробов и политических убеждений экипажа по наивысочайшему разряду.

Вспоминаю, как однажды мы с Филатычем залетели в Ямalo-Ненецкий Окружком КПСС. В отделе науки нас при-няла, как кружку пива после бани, холеная кустодиевская бабенка. Первым делом она отчитала доктора наук и капи-тана всех стихий Семерикова за пятидневную седую щетину, которую он и отрастил-то не из пренебрежения партийной дисциплиной, а целесообразности ради. Да он повидал этих обкомов, крайкомов, горкомов и райкомов побольше,

СЛУЧАЙ НЕНАДЕЖЕН, НО ЩЕДР

чем блох в ее фальшивой шевелюре и зубов в ее похабной ухмылке... На мой естественный позыв размазать эту жабу по стенкам Филатыч отвечает умоляющим взглядом: на этой почве у нас и раньше дело доходило почти до стрельбы...

А сейчас мы привередливо выбираем обширную песчаную косу, в определенном месте подмываемую течением. Лодка ставится всем бортом к берегу, как к пирсу, так что можно шагать сухой ногой туда и обратно. Пес в экстазе, а мы после постирушек и генеральной уборки корабля блаженствуем на отборном горячем песке.

Наш бонжур грубо нарушает Ермолай, когда является перед нашими взорами, великолепно декорированный от когтей до ушей какой-то темносерой грязью. По его красноречивым следам мы находим лагуну, величиной с однокомнатную «хрущевку», заполненную нежнейшей и раскаленной грязью.

– Да такую грязь только на хлеб намазывать или на смазливые и без того дамские мордочки! – и мы решительно погружаемся до ноздрей в это роскошное месиво.

– Что ты нам все про тайгу да про тундру заливаешь? Давай что-нибудь про джунгли, например! – лениво бухтит Юрий Михайлович;

– В джунглях не бывал, а про пустыню – пожалуйста! – с достоинством откликаюсь я, и Ермолай, покряхтывая, укладывается обратно в грязевую купель. Кстати, здесь-то мы же осознали до конца не только физиологическое, но и духовное родство со свиньями, которые найдут благословенную грязь даже на облаке...

На Аральское море меня занесло в середине июня 1979 г., после весьма «витиеватого» маршрута по Южному Уралу, Оренбургской области и Западному Казахстану. Дело в том, что незадолго перед этим наш Институт получил от Госцентра «Природа» внушительный массив космических фотоснимков: от нас требовалось оценить их, так сказать экологическую содержательность. А мне, как ревностному адепту всевозможных аэрокосмических методов исследований, выпало установить истину на практике. Очень ско-

ро я убедился, что будь я хоть оленем, хоть гепардом, а за день никак не одолею территории, которую на снимке я могу проткнуть острием иглы... Тогда я и пустился во все тяжкие колесить на междугородних автобусах, электричках и проходящих поездах...

«С моей точки зрения, все трудности путешествия как раз и заключаются в одиночестве со всеми из него вытекающими последствиями. Только когда человек один, когда он может рассчитывать лишь на себя и ему неоткуда ждать помощи, каждая частица его тела, мозга и души подвергается испытанию. Взять с собой одного или нескольких человек значило бы превратить путешествие в самое обычное и даже скучное предприятие – именно эти слова «патриарха океана» – знаменитого американского путешественника Уильяма Уиллиса (1893-1968) записаны у меня в полевом дневнике тех времен.

Нет смысла рассказывать о всех превратностях, которые привели меня глубокой ночью на субботу 16.06.79 г. на один из бывших (!) берегов Арала. О встрече с военными моряками вспоминать не хочется: традиции лейтенанта А.И. Бутакова (1816-1869) им неведомы. Стычка с семейкой тарантулов с моей стороны обошлась почти без жертв. А верблюды относятся ко мне вполне дружелюбно, по-видимому, принимая меня за сородича, только одногорбого.

Легкомыслие, с которым я отправился на покорение Арала, не находит разумного объяснения. Я с детства помню неизвестно чей рассказ, в котором путника в пустыне спасла банка... вазелина. В этом смысле я экипирован великколепно, т. е. фляжкой воды и бутылкой вина. Последнее, как самое ценное, я решаюсь употребить за ужином, поскольку скоро меня и самого неминуемо съедят, если и не мстительные тарантулы, то крайне подозрительные псы, которые внимательно изучают меня с обрыва над головой. Пышные мусульманские кладбища и груды костей по дороге вполне убедили меня, что и мои часы сочтены. Поэтому предпочитаю провести эти часы во сне. Закутываюсь в чехол от спального мешка, полог от комаров и тент от па-

СЛУЧАЙ НЕНАДЕЖЕН, НО ЩЕДР

латки. Под поясничу укладываю неразлучный топорик: он однажды уже спасал мне жизнь.

В восемь часов утра меня в моем коконе весьма припекло, а между 3-мя и 5-ю часами было очень даже прохладно. Поснимал с себя абсолютно все и расположился с биноклем обозревать ландшафт. Белая полоска на горизонте знаменует собой искомое море, а по пескам ползет какая-то букашка. О, да это грузовик с тентом! Что за черт? Он ко мне несется! Успеваю надернуть на себя плавки: мало ли что...

Оказались геологи-четвертичники из Алма-Аты. Им, видите ли, приспичило именно под моим обрывом заложить шурф. А меня они и не видели. Вот он – случай?

– Это ж надо было переться из самой Алма-Аты, чтобы меня чаэм с пирогами угостить! – резюмировал я обстановку, когда мы уже досконально познакомились. На них огромное впечатление произвел тот факт, что я продемонстрировал им вид всей этой ситуации из ближнего космоса. Так и проездил, пробегал и прокопался с ними в песчаниках весь божий день. А к вечеру, безуспешно пособлазнив меня своим базовым лагерем где-то в 50-ти верстах, они отвезли меня до границы почти зыбучих песков, снабдив напоследок чрезвычайно актуальной информацией и котелком воды.

– Дуй на запад, вдоль берега. Там не пропадешь! – на-путствовали они меня, а я казнился вопросом: насколько широко простирается могущество Его Величества Случая...

А тот, казалось, давным-давно уже поджидал меня, как опять же рояль, но только не в кустах, а на границе неба, соленой воды и песка. Итак, я брел, меланхолично любуясь силуэтами верблюдов на багровом фоне заходящего солнца, и скоро поравнялся с не менее живописной группой весьма оголенных мужчин и женщин около трех вседорожных легковых автомобилей тех времен, Я им автоматически покивал.

– Постой, дядя! Куда это ты, на ночь глядя? – приветствуют и меня, на мой взгляд, вполне приличным поэтическим слогом, а тем временем одна наяда тянет с меня рюкзак,

а другая наливаает внушительный бокал пива (Чешское! – ошеломление констатирую я), а тут и мужички подоспели. Пришлось представиться и рассказать все, как на духу. Оказались медики, которые отмечали свой завтрашний (!) профессиональный праздник.

– О, парень? Да мы сейчас тебя шашлыком накормим! А к нему что-нибудь и еще найдется...

Шашлык я покушал, а к нему и шампанского принял, а также и кое-чего еще...

– Мы сейчас уезжаем. Есть у тебя какая-нибудь посудина? Мы перегоним оставшееся мясо на шашлыки! – из котелка выплескивают заветную воду и разгружают в него шампуры...

Поздним вечером или ранней ночью прихожу я в спящий лагерь географов из Казахской Академии наук. Точнее, даже не географов, а географинь...

Ужасно романтическую версию этого эпизода я слышал позднее в Москве, в кулуарах одного из совещаний:

– Приходит ночью тощий, загорелый и веселый парень с рюкзаком и котелком... Из пустыни! Говорит: «Я пришел посмотреть, куда это мы собираемся сибирские реки поворачивать». Мы ему предлагаем поужинать, а он срывает крышку с благоухающего шашлыком котелка...

А тогда меня поселили в штабную палатку, поставили раскладушку, дали спальный мешок со вкладышем и даже обширное полотенце... За брезентовой стеной, буквально в пяти метрах, печально вздыхало умирающее море. Надо ли говорить, что я с ними пошастал несколько дней в радиусе 50-60 км на автомобиле. Но окончательно меня доконали проезжие (другие, чтобы не путать с предыдущими) геологи, которые после дружественного банкета позвали меня на плато Устюрт понаблюдать вместе с ними за грязевыми вулканами. Огромным усилием воли я все-таки преодолел естественное желание всякого порядочного натуралиста проследовать с ними на Устюрт, затем рвануть на Каспий, а потом от Гурьева домой. Казалось бы, чего бы проще, но я ведь и здесь-то в «самоволке»...

СЛУЧАЙ НЕНАДЕЖЕН, НО ЩЕДР

Упоминание грязевых вулканов почему-то воодушевило моих задремавших друзей необычайно:

– Так мы ж валяемся здесь с твоими байками, как свиньи, почти целый час! – и они, как ошпаренные, выскочили из уютной грязевой ванны. – А как же о казачках, казашках, кумысе, барханах и верблюдах! – надрывался я, но успели только... сфотографироваться, а затем погрузились в тугую обскую волну.

Разумеется, по чистой глупости я решил нырнуть в Обь, да еще с рубки «Флоры». Вот тут-то я и осознал, что испытал Ермолай, когда недавно выгребал вокруг дрейфующей нашей лодки.

Течение подхватило, закувыркало и выплюнуло меня уже метрах в двадцати от точки «приводнения». Очень хотелось еще раз увидеть небо, друзей, жену и детей... Друзья-то вот они рядом, на берегу, сволочи! И я еще ухитряюсь этак бодро помахать им рукой: дескать, «Покеда!», а река лениво уносит меня в поворот... Наконец, реке надоедает играть с моим грешным телом, и она брезгливо выплескивает его на ближайшую отмель.

Друзья ничего не заметили, тем более, что я, задыхаясь, еще исполняю на ходу какую-то зажигательную спортивную песню, но пес посматривает на меня с явным сочувствием. Такой же ужас я испытал, когда нырнул ночью в Черное море и открыл глаза: мне показалось, что я никогда не найду, где верх, а где низ, и буду выкарабкиваться вглубь. Тогда я и понял, почему это море называется Черным...

Здесь, казалось бы, и надо поставить точку, но не дождется!

Я с огромным уважением отношусь к любому клочку неофициальной (!) бумаги. Прежде всего, как инженер лесного хозяйства, который просто обязан знать, сколько гектаров леса надо загубить, чтобы растиражировать на глуши рожу какого-нибудь откровенного бандита, рвущегося к легитимной государственной власти. Во-вторых, как

профессиональный естествоиспытатель (словечко-то какое распраздятое), я отчетливо понимаю, что упомянутым явлением процесс глобального лесоистребления далеко не исчерпывается. Наконец, как неисправимый бродяга и практик-философ, я ценю возможность написать на последнем клочке бумаги послание потомкам и доверить его (в бутылке) вездесущему Стоку, либо соорудить из него самокрутку...

Что касается основных героев данной документальной (!) повести, то капитан Филатыч умер через полгода после этой навигации, а Ермолай погиб еще раньше...

Но мне не хотелось бы заканчивать повествование на столь печальных нотах, а потому берусь утверждать, что в жизни найдется еще сколько угодно людей и собак, способных в наш поганый век на риск, дружбу и верность.

Ноябрь-декабрь 2004 г. Миасс

*456300, г.Миасс Челябинской обл.,
ул.Уральская, 106, кв.8.
Тел.: 8 351354178*

Содержание

НА ФОНЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ	3
ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР-Р-Р!	52
СЛУЧАЙ НЕНАДЕЖЕН, НО ЩЕДР	81

Владимир
Плотников

Таежные регаты

Ответственный редактор:
Е. В. Плотникова

Корректор:
Л. А. Плотникова

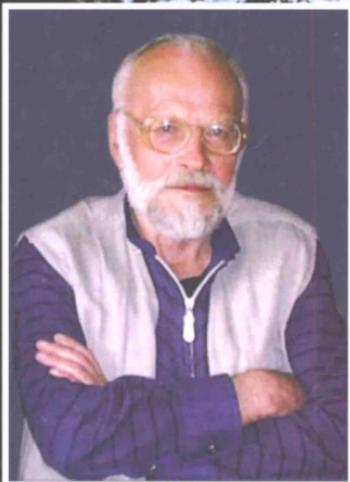
Компьютерный набор:
Л. А. Плотникова

Технический редактор:
Е. В. Мирошкина

Компьютерная верстка:
Е. А. Шагалова

Подписано в печать 27.09.2007 г.
Формат 60x90/₁₆. Усл.печ.л.7,5.
Тираж 40.

ООО «Издательство «Раритет»
620078, г.Екатеринбург, ул.Чаадаева 4-51
Тел/Факс: 8(343)374-72-87.
Директор Погорелов С. С.

Плотников

Владимир Васильевич –
лесной инженер, эколог,
кандидат наук, штурман,
старший помощник капитана
научно-исследовательской
парусно-моторной яхты
«Флора», «Флора II»

*На рваных парусах изношенного брига,
Распрозабытого своей родной страной,
Влетели в гавань. Рявкнул боцман – поп-расстрига,
Матросы замерли свинцовою стеной.
Сколь ни дивился вождь осанке капитана,
Грозя бедой из под тяжелых век,
Уверенно шагнул меж копьями охраны,
Чему-то усмехаясь, этот белый человек.
А виделась ему за многими морями страна рабов...
И вздыбился клочок державы парусами.
Прости, надежда, и прощай, любовь!*